

фантастика

Ян Кошкарев

Край

16+

Ян Кошкарев

Край

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кошкарев Я.

Край / Я. Кошкарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мечтатель-ученый пытается разгадать устройство мира, окруженного бесконечно высокой стеной, которую называют Краем. Но Край только дразнится и совсем не торопится раскрывать тайны. В довесок жизнь подкидывает целый ворох проблем, которые приходится решать, постоянно отвлекаясь от работы — секта краепоклонников требует немедленно прекратить эксперименты, бывший друг мстит за дела минувших дней, дочь влюблена в школьного учителя, и вот-вот уйдет жена. И когда жить становится совсем неважно, из глубин подсознания приходят твари...

Содержание

ГЛАВА I. Вкус победы	5
ГЛАВА II. Шторм неизвестности	19
ГЛАВА III. Сладкий краенит	32
ГЛАВА IV. Урок математики	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

ГЛАВА I. Вкус победы

1.

Сначала закончилась Лоскутовка, а через двести метров исчезла дорога.

Микроавтобус здорово трясло. У Тальберга разболелся пресс, навечно замурованный в глубинах жировых складок. «Если болит, значит, существует», подумал оптимистично, улыбнулся Сане и хотел пошутить по этому поводу, однако в памяти не к месту всплыл вчерашний разговор с Лизкой.

Под ложечкой неприятно засосало, и настроение разом испортилось. Тальберг помрачнел и уткнулся в установку невидящим взором, прокручивая в мыслях слова, которые вчера наговорил сгоряча. Обидно, но не смог даже вспомнить, из-за чего сыр-бор разгорелся.

Микроавтобус трясся и угрожал рассыпаться. Вместе с ним мелко тряслась и временами недовольно позванивала установка, прикрученная болтами к раме на полу.

– Чуть помедленней, – попросил Тальберг, опасаясь, что опять в недрах оборудования отвалится невзрачный контакт и уйдет неделя на выяснение, почему «эта красная электронная скотина светит, но не греет».

Водитель с пониманием кивнул и поехал медленней, но стало только хуже. Оказалось, часть мелких выбоин на скорости пролеталась незамеченной, а теперь каждая ямка превращалась в луна-парковый аттракцион, от которого внутренним органам в животе становилось тесно и неудобно, и они норовили выпрыгнуть наружу.

В щелях микроавтобуса свистел ветер, и казалось намного холоднее, чем было в действительности. Тальберг замерз. Он мерз всегда, и это его свойство стало в институте притчей во языцех – он не снимал куртку до самого июля, когда из-за пота находиться в уюте верхней одежды не представлялось возможным по гигиеническим причинам.

Лаборант Саня дрожал в тонкой осенней курточке и улыбался с романтической мечтательностью во взгляде. Вряд ли его хорошее настроение имело отношение к цели поездки. Он часто сосуществовал в двух местах одновременно – тело тряслось в микроавтобусе, а мысли витали в приятных воспоминаниях из жизни за пределами института.

У противоположной стены сидел Семенов с карикатурно сосредоточенным выражением лица, и невозможно было всерьез воспринимать его сдвинутые грозные брови и наморщенный лоб. Он глядел серыми немигающими глазами на установку, словно ей не доверял и ожидал от нее подвоха. Если бы она превратилась в трехглавого удава, подумал Тальберг, Семенов бы тут же задушил все три шеи голыми руками, нисколько не удивившись такому магическому происшествию.

– Александр Николаевич, – сказал Тальберг, – чего тебе в теплой конуре своей не сидится?

Семенов оторвал суровый взгляд от установки и прохрипел в ответ:

– Опять эта штука загорится, а тушить некому. Будете гляделками хлопать, как в прошлом ноябре. Мне потом за убытки по пожарам отчитываться, а эта ваша хреновина стоит дороже парохода, – он на секунду задумался, вспомнил увиденную накануне в бухгалтерской книге цифру и уточнил: – Два парохода и один плавучий зоопарк в придачу.

– Сегодня мы огнетушитель взяли, – попытался оправдаться Тальберг. – Не дети малые, сами сможем...

Семенов не удостоил ответом, снисходительным видом давая понять, насколько невысоко оценивает способности всяких тальбергов в пожаротушении. Дальше ехали молча.

Когда стало казаться, что тряска будет длиться вечно, машина остановилась. Тальберг выдохнул, расслабился и открыл заднюю дверцу, впустив морозный воздух. На негнувшихся ногах выползли наружу и теперь приседали и притопывали для согрева, попутно оглядывая местность.

Перед ними привычной стеной возвышался Край, верх которого терялся в высоте. Никто не доказал факт существования верхнего конца, но исходя из конечности всего сущего, полагалось, что он есть, просто недостижим на текущем этапе развития человечества.

На первый взгляд, Край казался абсолютно черным внутри с наружной поверхностью, словно отлитой из темного матового стекла. По мере подъема он светлел и приобретал цвет неба, визуально сливаясь с ним приблизительно на двухсотметровой высоте. Если стоять на земле и долго вглядываться в черноту, можно заметить, как в глубине идут гигантские волны и происходит нечто, пониманию недоступное.

Человек, впервые оказавшийся у Края, легко мог впасть в гипнотическое состояние от созерцания размеренного движения громадных световых пятен по ту сторону поверхности. Ходят слухи, что существует секта краепоклонников, днями напролет сидящих в позе лотоса напротив стены и часами глядящих в одну точку с целью постичь великую тайну бытия.

Любому человеку с детсадовского возраста известно, что Край бесконечен и замкнут в окружность. Если идти вдоль него в одну сторону, теоретически можно обойти весь мир и вернуться в исходную точку. Находились смельчаки, пытавшиеся совершить кругосветное путешествие, но никому не удавалось проделать полный круг. На путешественников сваливалась невообразимая череда неприятностей, вынуждая отказаться от затеи и финишировать на старте. Глохли двигатели машин, рвались ремни на брюках, люди спотыкались на каждом камне, дрались, впадали в истерику, теряли сознание и гибли. В конце концов, на время нахождения у Края установили ограничение в двенадцать часов, а дежурные патрули начали отлавливать сумасшедших, не оставлявших попыток стать первыми людьми, обошедшими весь мир.

Что находится по ту сторону стены, ни в одном учебнике прочитывать нельзя. Никто не знает, но все, кому не лень, гадают и строят гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые невозможно. Край сверхпрочен, и ни разу не удавалось отделить от него хотя бы кусочек, не говоря о том, чтобы проделать полноценное отверстие. До сегодняшнего дня.

Размявшись, Саня полез в микроавтобус и открутил крепежные винты, втроем вытащили установку и с двумя перерывами на перекур дотянули до Края. Тальберг нашел ровный участок, на котором и расположили оборудование.

– Тяжелая хреновина, – Семенов положил ладонь на сердце и переводил дыхание, – а с виду и не скажешь. Маленькая такая...

– Аккумуляторы, – пояснил Саня, отвечавший за перезарядку и замену этих самых аккумуляторов и неоднократно получавший нагоняй за то, что забывал это делать вовремя.

Он выставил горизонтальность по встроенному пузырьковому уровню, и на том подготовительные работы завершились.

– Включаю!

Семенов встал в двух шагах от установки, взял посподручнее огнетушитель и приготовился срывать пломбу и выдергивать чеку в соответствии с инструкцией. Тальберг окоченевшими пальцами нащупал кнопку питания и нажал.

Первые секунды ничего не происходило. Саня разочарованно пробормотал «опять перегорело», но установка словно услышала и назло ему заработала. Зажегся индикатор, и послышался едва уловимый гул.

– Замерзла, – догадался Тальберг. – Пусть прогреется.

Семенов стоял с огнетушителем, норовившим выскользнуть из неудобных перчаток. Установка не совершала попыток к самовоспламенению, но Александр Николаевич продол-

жал испытывать к ней недоверие, расценивая прилежную работу как отвлекающий маневр для усыпления бдительности.

Тальберг провел ладонью по шершавому корпусу и отметил приятный нагрев.

– Приступаем ко второй фазе.

Он снял защитную крышку с конусной рабочей части, повернул ручку мощности и приложил ухо к кожуху, будто хотел услышать, как по цепям бегают электроны и топчут несуществующими ногами.

На острие конуса на мгновение возник тонкий фиолетовый луч и исчез. Тальберг знал, что тот перешел в невидимый участок спектра, но продолжает существовать и может замечательно прожечь насквозь, а то и вовсе отрезать палец, если им по неосторожности провести перед конусом. Тальберг дошел до среднего положения на шкале мощности и решил, что этого достаточно.

– Подавай!

Саня принялся вращать маховики, и установка медленно поползла по направляющим к стене.

– Стоп!

Острие остановилось в сантиметре от поверхности Края.

Тальберг затаил дыхание. Над ухом тяжело дышал Саня. Семенов опустил огнетушитель и уставился на точку, куда указывал конус.

Секунды тянулись, словно засахарившийся мед, но видимых изменений не происходило. У Тальберга снова нехорошо засосало под ложечкой. Ему захотелось вскочить и пнуть ногой этот издевающийся над ним кусок металла, который он столько лет собирал и пересобиравал, что видел схемы во сне.

В стене появилась темная точка величиной в спичечную головку.

– Работает, – радостный Семенов проникся важностью момента и позабыл про огнетушитель.

– Нужно разрез сделать, – сказал Тальберг.

Саня кивнул и покрутил маховик вертикального перемещения. Конус небольшими рывками пополз вверх.

– Да не торопись ты так! Не спеши, вращай равномернее, прожигать не успеваешь.

Саня старался, но на морозе дрожали руки, и маховик нет-нет да и подрагивал. В конце концов, приноровился крутить с такой скоростью, чтобы луч резал без разрывов. Выходило по сантиметру в минуту.

Решили остановиться и выключили установку во избежание перегрева. Тальберг снял перчатку и провел пальцами по щели. Вопреки подсознательному ожиданию ожога стена оказывала свежесть. Все, включая малых детей, знали, что Край всегда холоден и имеет невероятную теплоемкость и аномально низкую теплопроводность.

– Глубину бы измерить, – Тальберг сообразил, что они не взяли измерительных инструментов. – Хотя бы приблизительно.

Саня заглянул в щель с фонариком.

– Темно, – сказал он с разочарованием.

– Нужно тонкое... лист бумаги, карточку какую-нибудь, – пробормотал Тальберг. Он посетовал, что накануне выложил рулетку из кармана и забыл на верстаке в лаборатории. Все, включая Семенова, принялись изучать недра курток, но как назло ничего подходящего не попало – даже завалящего магазинного чека, которые обычно пачками скапливаются по карманам, потому что руки не доходят выбросить.

Глупо получалось. Установка заработала, а о простой линейке не подумали, наверное, подсознательно не ожидали, что в этот раз выйдет. После пятнадцати лет неудач взяло и назло всему получилось.

Семенов предложил приехать завтра, вооружившись необходимой измерительной техникой, но это означало мучиться от любопытства целую ночь, а Тальберг и так вечерами по три часа ворочался, прежде чем заснуть.

– Водительские права? – выкрикнул Саня.

– Точно!

Позвали водителя, но тот наотрез отказался жертвовать документами ради науки. А вдруг застрянут? Принуждать не стали – вдруг действительно застрянут.

Когда почти смирились, что результаты эксперимента станут известны через сутки, водитель убежал в кабину и вернулся, размахивая желтым листком, как флагом.

– Маршрутный лист! Для науки не жалко.

Грязный от солидола кусок бумаги аккуратно сложили вчетверо и тонкую полосу с трудом всунули в прорезь. Тальберг пальцем зажал лист в месте выхода из стены и извлек импровизированный глубиномер наружу.

– Сантиметров десять, – прикинул он и почувствовал необыкновенную гордость. Хотелось произнести чушь вроде «С победой, друзья! Это великий день для всех, здесь собравшихся, и для мировой науки в целом», но он сдержался и сухо сказал:

– Для первого раза неплохо.

Встала дилемма, что делать дальше: уезжать и заполнять протоколы испытаний или сделать еще разрез?

– А если отрезать небольшой кусок? – предложил Саня. – В НИИ от удивления задохнутся, когда мы привезем с собой ТАКОЕ!

Тальбергу идея понравилась, и он стал прикидывать, как бы побыстрее и проще вырезать из гладкой отвесной стены кусок.

– Так, ставим параллельно горизонту под тридцать градусов, режем вниз сантиметров десять. Отступаем на пятнадцать влево и повторяем симметрично. Затем делаем два горизонтальных реза – сверху и снизу...

Для иллюстрации он водил пальцем по поверхности Края. Саня уловил идею и прикинул время:

– Два по десять, еще два – по пятнадцать, итого пятьдесят. По минуте на сантиметр да плюс четыре перерыва... Получается около часа!

Тальберг с сомнением посмотрел на часы. Время позволяло, но не хотелось простудиться, хотя мысль показать всем этим «секретникам» настоящий отрезанный от Края кусок показалась привлекательной, и он сдался:

– Режь!

Пока Саня с воодушевлением резал, остальные поочередно грелись в микроавтобусе. Семенов пришел к выводу, что установка гореть не собирается, и оставил в покое огнетушитель.

Приковылял заскучавший водитель. Посмотрел, как Саня крутит маховики, не выдержал и решил поговорить о жизни.

– Слышали, говорят, военное положение завтра введут? – забросил он удочку.

– Врут, – резко ответил Тальберг, менее всего желавший разговаривать о политике. Водитель намек не понял.

– Честное слово, у меня брат в столице на членовозе трудится...

– Где? – по молодости удивился Саня, но взгляд от острия конуса не оторвал.

– Этих... членов всяких государственных служб возит.

– А-а-а... – протянул лаборант разочарованно. Реальность оказалась скучнее его воображения.

– Вот брат и говорит, что везет к нам важную шишку. Он не дурак, сам напросился и оформил, как командировку. На полгода едут, не меньше.

– Какая шишка?

– Да этот, вылетело... На «тэ» начинается... – водитель сосредоточено думал, перебирая фамилии на «Т». – Котов! Точно!

– По крайней мере, «Т» там есть, – заметил Семенов.

Тальберг напряг память и вспомнил: Котов числился генеральным инспектором. Его все знали или как минимум о нем слышали, но не могли сказать ничего конкретного, зато поговаривали, что его побаивается и уважает Сам (при этих словах указательный палец говорящего обычно непроизвольно начинал показывать вверх), но Тальберг в слухи предпочитал не верить. Кто кого боится, его заботило мало.

– Пусть приезжает. Переживем, – разрешил он.

Разговор не клеился. Разочарованный водитель вернулся в кабину.

Зачем к ним ехал генеральный инспектор, не составляло загадки. Лоскутовка появилась как научный городок при большом научно-исследовательском институте по изучению Края, но вскоре стало окончательно ясно, что практической отдачи от фундаментальных исследований нет. Поэтому институт вместо Края давно трудился над оборонкой, а во всем НИИ один Тальберг со своей группой продолжал биться головой о черную стену, пока остальные занимались «серьезным делом» и сдавали на ночь отчеты в институтский сейф под расписку.

Тальберг поежился. Ему захотелось в тепло, где можно укрыться толстым одеялом и подремать часок. Он почувствовал легкую зависть к лаборанту, увлечшемуся работой и не замечающему холода.

– Есть! – объявил Саня.

На землю упал кусок, по форме напоминающий двускатную крышу игрушечного домика. Только черный цвет и внушительный вес говорили, что это отнюдь не игрушка.

Тальберг поднял отрез и покрутил в руках, разглядывая грани, исчерченные полосками из-за неравномерного движения луча.

– Как материал назовем?

Раньше обходились словосочетанием «вещество Края».

– Знаю! – закричал Саня. – Краенит!

«Почему бы и нет», подумал Тальберг и отдал кусок лаборанту.

– Отнеси в машину и будем собираться.

– Эдак можно за несколько проходов насквозь просверлить, – сказал Семенов, пребывавший в задумчивости.

– Совершенно верно, – подтвердил Тальберг. – Конечной целью экспериментов является возможность узнать, что на той сто...

Он замолчал на полуслове. Свежевырезанное углубление затянулось на глазах. Возникшая всеобщая эйфория сменилась легким разочарованием.

– Ты, блин, издеваешься? – не сдержался Тальберг и употребил ряд ненаучных терминов, чтобы подчеркнуть крайнюю степень негодования.

Через минуту на стене исчезли последние следы их полуторачасовых манипуляций. Семенов провел ладонью – гладко.

Подошел нервничающий водитель, не знающий, как научных работников культурно отвлечь от излюбленной науки.

– Солнце через два часа гаснет, – сказал он. – В темноте вести не хочу, на такой дороге недолго и на камень въехать, а мне еще до гаража добираться.

– Собираемся, – махнул Тальберг.

Установку собрали, перенесли в микроавтобус и закрепили на транспортировочной раме.

2.

Вернувшись в НИИ, втроем с Семеновым, оставшимся на добровольных началах, затащили установку в лабораторию на второй этаж. Тальберг отпустил Саню, завернул краенит в тряпку и положил на шкаф, затем закрыл все помещения и сдал ключи на вахте. Об удачном эксперименте решили объявить завтра, потому что проголодались, а из-за испытаний прозедали обед.

После Края всегда хочется есть. Как подозревал Тальберг, Край высасывает энергию из всего живого и именно поэтому вдоль стены не растет трава и не бегают живность. К сожалению, он не настолько разбирался в биологии, чтобы подтвердить свои предположения с помощью экспериментов, и не представлял, как эта проверка будет выглядеть на практике. Наверное, придется заставлять добровольцев гулять каждое утро вдоль Края и считать количество съеденных тарелок с супом. Вероятно, они начнут усиленно питаться просто потому, что любая прогулка улучшает аппетит.

Он вышел на крыльцо института и выдохнул облачко пара, размечтавшись об открывающихся перспективах использования краенита. Он не мог оставаться на месте, когда думал или мечтал. Он нуждался в любом виде деятельности – клацать шариковой авторучкой, гнуть вилки, рубить деревья, класть шпалы, короче, что угодно, но только не стоять и ждать.

Решил идти пешком. Шагал широко и уверенно, как на параде, благо, длинные ноги позволяли преодолевать любые препятствия. От движения согрелся и перестал ощущать холодный вечерний воздух. Пока шел, в голове крутилось «Никто не верил, а мы сделали» и в мыслях появлялся Мухин, с открытым ртом глядящий на кусок краенита в лабораторном пакете и щиплющий себя за все места, чтобы проснуться.

Тальберг срезал через парк, и дорога заняла четверть часа на крейсерской скорости. На подходе к дому еще с противоположного конца двора заметил у второго подъезда грузовой автомобиль с крытым кузовом, из которого двое рабочих разгружали простенькую мебель. Мухин сбежал из воображения вместе с краенитом и открытым ртом. Карьерист и бесталанный неудачник.

Посреди двора стоял коричневый металлический стол. За ним горластые мужики играли в домино. Тальберга всегда удивляло, с каким упорством они просиживали штаны за игрой в домино в любое время года и в любую непогоду. Когда бы он ни выходил во двор, хотя бы три человека обязательно сидели на рассыпающихся деревянных скамейках и били костями. Безработные? А если работают, какой у них график?

Он подошел к разгоряченным доминошникам, с которыми обычно предпочитал здороваться издалека.

– День добрый, господа-товарищи!

– Здорово, коли не шутишь.

Он пожал мужикам руки. В нос ударили пары спиртов и резкий, хорошо выдержанный запах пота. Тальберга покорило. Обходя всех по кругу, он едва не врезался в фонарный столб, на котором висел листок с заголовком «Информационный бюллетень». У листка отсутствовал низ, оторванный чьей-то грязной рукой.

– К нам переезжают? – кивнул на грузовик.

Ему ответил бородач с большим круглым лицом, о котором Тальберг было известно только то, что зовут его Анатолий Костылев:

– Да хрен его знает, с полчаса как приехали. Мужик с галстуком там за главного, видать, важный хмырь из центра. Клещ и Пепел неделю на мели, разгружать подрядились.

– Ясно, – Тальберг перешел к самой сложной части общения с заядлыми доминошниками – попытке уйти невредимым: – Пойду, пожалуй. У меня дел по горло.

– Да какие там у тебя дела? Куда тебе идти? Садись с нами! Мы тебе место здесь найдем, – бородач похлопал по скамейке подле себя. – Партийку для души.

Тальберг пожалел, что дал волю любопытству. Он мысленно чертыхался, проклиная доминошников.

– Домино не люблю.

– Посидишь за компанию, расскажешь новости с научного фронта, ты ж вроде в институте обитаешь?

– Мужики, мне вправду идти надо!

– Не спеши, успеешь, – Анатолий почесал бороду громадной пятерней. – Последнее предупреждение, а то можем и обидеться!

– Мне взаправду нужно домой, – сказал Тальберг.

Под недовольное ворчанье он направился к первому подъезду. Он шел вдоль дома и наблюдал, как грузчики, одного из которых, по-видимому, звали Клещом, а второго – Пеплом, через откинутый борт спускают с кузова серебристый холодильник с огромным мотором-компрессором, завязанным тряпкой, чтобы не болтался.

– Аккуратно, еще аккуратней, – командовал стоявший наверху, пока его товарищ в кепке-пирожке с большими раскрасневшимися ушами принимал груз внизу.

Ввиду худобы, принимающий испытывал трудности с удержанием на весу тяжестей. К тому же у холодильника постоянно открывалась дверца.

– Уронишь – прибью, – предупредил напарник. – За бой сам расплачиваться будешь.

– Если такой умный, иди и внизу стой.

– Пепел, не зли меня! Я слезу, ты уползешь!

Когда Тальберг проходил между грузовиком и домом, его окликнули:

– Димка! Ты?!

Пахнуло полузабытым студенческим прошлым. Тальберг узнал голос, не оборачиваясь.

– Точно! Димка! – невысокий лысеющий мужчина приветственно расставил руки.

Платон Талаев стоял прямо, словно аршин проглотил, и смотрел кристально голубыми глазами, по которым сходили с ума девушки всех курсов. За пятнадцать лет лицо стало круглее и солиднее, но в качестве компенсации лоб перерезали волны глубоких морщин. Идеально выглаженный галстук с черно-белым узором и костюм-тройка прятались под расстегнутой курткой с аккуратной меховой подкладкой. Платон и в студенческие времена не признавал другой одежды, кроме брюк с приталенным пиджаком, и с готовностью потратил бы на хороший галстук последние деньги, даже если их едва хватало на еду.

Тальберг, напротив, не носил галстук, считая его самым бессмысленным предметом на свете. Он мог годами ходить в одном свитере, пока в нем не образовывались нескромных размеров дыры, но и тогда не решался выбросить вещь, с которой сроднился.

Они пожали руки. Тальберг неудачно схватился, и крепкая талаевская ладонь больно сдавила пальцы.

– Не ожидал тебя тут встретить, – сказал Платон.

Спинальным мозгом чувствовалась неискренность в его словах. Наверняка заранее навел справки о соседях.

– Спортом занимаешься? – спросил он.

– Редко, – признался Тальберг. – Раз в год для сердца.

Он чувствовал неловкость, возникающую, когда видишь одноклассника или однокурсника через десяток-другой лет и не знаешь, о чем поговорить с уже чужим человеком. Остается обмениваться дежурными вопросами «Как ты? Где ты?» и разбежаться по своим делам.

– Я здесь по работе, – сказал Платон, – поживу на ведомственной квартире, а там видно будет. Демидовича знаешь?

– Какого Демидовича?

– Котова.

Вспомнился рассказ водителя.

– Так это вы инспектировать приехали?

– Вроде того.

Тальберг искал повод сбежать от неловкого разговора.

– Ну, я... – он открыл рот, пытаясь сообщить, что спешит, но Платон бесцеремонно перебил:

– Пойдем к тебе в гости!

Тальберг растерялся. Ему хотелось прийти домой, поесть и отползти на диван, где вздремнуть часок-другой в полной тишине. Перспектива весь вечер развлекать Платона не радовала.

– Один холодильник остался, это недолго, – ошибочно истолковал его замешательство Платон. – Ребята занесут и пойдем. Буквально три минуты подожди, мигом организуем.

И он побежал в подъезд, чтобы проконтролировать Клеща и Пепла.

Тальберг остался на улице у красно-коричневой скамейки с оторванной спинкой. Увлеченность мыслями о краените прошла, и вернулось ощущение холода. Ожидать пришлось дольше, чем три минуты, и он перестал чувствовать пальцы на ногах. Мысленно проклинал Платона с его холодильником и бесцеремонностью и нервно поглядывал на часы – вот-вот отключалось солнце.

Наконец Платон вышел с грузчиками, расплатился и отпустил водителя грузовика.

– Пошли. Показывай дорогу!

3.

Платон шел следом и размышлял о том, что Тальберг не изменился. Такой же неразговорчивый, стеснительный, замкнутый, скованный в движениях и, как следствие, неконкурентоспособный. Его достоинства хороши по отдельности, но не приносят эффекта в сумме.

Платон смотрел в широкую сутулую спину Тальберга, пока тот неторопливо поднимался на третий этаж, держась за поручень и тяжело дыша. «Сдал старик, забросил спорт», мысленно позлорадствовал Платон, с легкостью преодолевая короткие лестничные пролеты.

Они встретили спускавшуюся навстречу немолодую женщину в ярко-красной вязаной шапке и с увесистой сумкой в клеточку. Платон отметил, что она склонна к полноте и неуемна в косметике, особенно в румянах. Но более всего поражала невероятно высокая и пышная прическа, состоящая из бесконечного количества завитушек, соединенных в огромный улей. Прически, в которых при необходимости мог спрятаться отряд из трех солдат, помимо смеха вызывали у Платона любопытство – как теоретически можно соорудить из волос подобные конструкции?

– Здравсьте, Зоя Павловна, – нахмурился Тальберг.

– Здравствуйте, Дмитрий, – холодно ответила женщина. – Хочу напомнить, что вы не явились на последнее собрание жильцов. Две неявки подряд!

– Обещаю исправиться. У меня завал на работе, не успеваю.

– Если бы вы присутствовали на совещаниях, – перебила Зоя Павловна, – вы бы знали, что у нашего всеми уважаемого Антона Павловича юбилей – сорок четыре года! Мы решили собрать посильную сумму, чтобы...

– С каких пор сорок четыре года стало юбилеем? – удивился Тальберг, попутно пытаясь вспомнить, кто такой Антон Павлович и почему он всеми уважаемый.

– Мы единогласно постановили собрать посильную сумму, чтобы сделать достойный подарок, – настойчиво повторила Зоя Павловна с металлом в голосе. Тальберг решил не перечить и принялся искать по карманам куртки сумму, тянущую на посильную.

– Здравствуйте, я ваш новый сосед из двадцать второй квартиры, – Платон воспользовался паузой, чтобы представиться.

– Каждую среду в шесть часов вечера у четвертого подъезда, – объявила Зоя Павловна с непробиваемым выражением лица, отобрала деньги на юбилей и продолжила спуск по лестнице.

На пороге Тальберг долго прощупывал карманы в поисках ключа, потом открыл обшарпанную дверь и пропустил Платона вперед.

– Проходи!

Платон вошел, вытер ноги о коврик и прежде, чем разулся, услышал Лизкин голос. Сердце екнуло, а мозг дважды радостно повторил «Лизка-елизка». Он не сдержался и незаметно для Тальберга улыбнулся, склонившись над ботинками.

– Дим, куда ты пропал? Я уже волноваться начала...

Лизка не ожидала гостей, поэтому выскочила из кухни в коротком синем халате, придерживая замотанные в полотенце волосы. Увидела, что Тальберг пришел не один, и смутилась:

– Ой, а я не готова. Дима, предупредил бы...

Она узнала гостя и окончательно растерялась.

– Лизок! – Платон весело расставил руки. – Иди сюда, обнимать тебя буду! Столько лет не виделись!

Он приобнял обмякшую Лизку, придерживающую распахивающийся халат в районе груди, и поцеловал ее в щеку.

– Смотрю, ты хорошеешь с каждым днем! – сказал он, чтобы окончательно ее смутить.

Лизка смутилась, покраснела, затем побледнела, но взяла себя в руки и смущенно улыбнулась:

– Раздевайся, Дима покажет, куда вещи повесить, – она запахнула посылнее халат. – Проходите на кухню, а я переоденусь во что-нибудь более подходящее.

– Ты и так хорошо выглядишь.

Она ушла в комнату. Платон с удовлетворением посмотрел ей вслед, оценив оголенные ноги, заманчиво белеющие из-под халата. Тальберг с мрачным лицом взял у него куртку и повесил на свободный крючок.

Прошли на кухню. В коридоре Платон задел тумбочку, словно нарочно стоявшую так, чтобы мешать проходу. От удара на столешнице затрясся позолоченный сувенирный божок, то ли подаренный по какому-то случаю, то ли привезенный из отпуска. Платон рефлекторно подхватил падающую статуэтку и вернул на место.

– Осторожней, – сказал Тальберг. – У нас тут надо под ноги смотреть.

На кухне Платон провел взглядом по скромному интерьеру, состоявшему из старой газовой плиты, трех навесных шкафчиков с облезшими дверцами и одинокого стола, укрытого полиэстеровой скатертью, собравшейся в некрасивые складки на углах. Под столом прятались четыре добротных табурета. Ровно настолько скромно, насколько он и ожидал от Тальберга, не стремившегося ни к роскоши, ни к порядку.

Тальберг вытащил стулья, и Платон сел спиной к стене, чтобы иметь наибольший обзор. В глубине квартиры зашумел фен.

– Надолго к нам?

– Год минимум, а дальше видно будет, – беззаботно ответил Платон. – Зависит от ситуации. Хотят финансирование вашего НИИ увеличить, но перед вливанием средств нужно провести ревизию распределения расходов по сегодняшнему дню.

– Под Кольцова роете? – спросил Тальберг напрямую.

– Специально не роем, но если накопает, достанется и ему. Без обиняков, больно у вас район депрессивный, поэтому необходимо разработать и внедрить программу по развитию локальной экономики региона в целом, – пояснил Платон казенными фразами.

– Ну-ну. Попробуйте.

Из комнаты вернулась Лизка, сменившая полотенце и халат на простенькое платье, и засуетилась у плиты. Пока она готовила ужин из того, что оказалось в холодильнике, Платону не удавалось рассмотреть ее лицо, но длинные волосы, доходящие до пояса, сводили с ума, как в прошлом.

Он отметил, что за прошедшие годы Лизка ничуть не потеряла в привлекательности, только формы стали круглее и уютней, но это была та самая маленькая Лиза. Он неприкрыто смотрел на нее, нисколько не заботясь, не заметит ли Тальберг его полный вождения взгляд.

Наконец, она поставила перед ними две тарелки с парующей кашей и яичницей. Тальберг принес из кладовки банку маринованных огурцов и открыл ее так, чтобы не испортить крышку.

– Садись с нами, – попросил Платон Лизку.

– Постою, – сказала она. – Я ужинала перед вашим приходом.

Он с аппетитом приступил к трапезе, потому что из-за переезда за весь день не довелось перекусить. Тальберг вяло ковырял вилкой в тарелке.

Сначала ели молча. Когда первый голод прошел, Лизка принялась расспрашивать о семье и работе.

– Женился, развелся. Не сошлись характерами – она красный автомобиль хотела, а я только на черный соглашался, – подшучивал Платон. – Дети не обзавелись. Оно и к лучшему, делить не пришлось.

– Сестру проведаль? – спросила Лизка.

– Нет, к Вере не заходил. Она предлагала у них пожить, но не хочется стеснять своим присутствием. Тем более что квартиру ведомственную предоставляют, а я, как холостяк, имею определенные потребности... – и он подмигнул едва заметно покрасневшей Лизке.

Потом он рассказал, что работа у него интересная, зарплата – тоже. Одно плохо, вся жизнь проходит в разъездах и нигде обжиться не получается, копить деньги не на что, поэтому тратит их на нечасто выпадающий отпуск. Но после Лоскутовки ему обещали повышение и постоянное место в столице. И вообще, Платон – перспективный специалист по экономической безопасности, которых в стране раз-два и обчелся.

Лизка слушала с любопытством и улыбалась. Он раззадоривался и говорил без умолку. Тальберг сидел молча, ел один за другим огурцы и выстраивал огуречные хвостики в ряд за тарелкой.

Посреди рассказа, как Платона едва не облапошили на секретном объекте в позапрошлом году, когда он почти пропустил лишний пункт в смете, зазвенел звонок.

– Ольга пришла, – сообщила Лизка. – Надо устроить ей нагоняй за прогулки допоздна.

– Пусть гуляет, – сказал Тальберг. – Возраст такой.

– Хорошо, только уроки кто за нее делать будет? Ты? – возмутилась Лизка, и Платон заметил, что ее глаза в гневе стали еще более зелеными и оттого прекрасными. – У нее и так за прошлую четверть оценки по всем предметам сползли. Кроме математики, потому что там с самого начала сплошные проблемы.

Лизка вышла из кухни. Из коридора донесся приглушенный разговор, из которого не получалось разобрать ни слова, но бурная интонация подсказывала, что попытка прочитать воспитательную речь натолкнулась на активное сопротивление со стороны Ольги.

– Иди в комнату, завтра продолжим, – донеслось из коридора, и на кухне появилась Лизка. – Поговори с ней, как отец! Она меня игнорирует!

– Думаю, уже поздно, – ответил Тальберг. – Через пару лет сама перебесится.

– Иногда твои подходы к воспитанию меня просто поражают!

Он пожал плечами.

– Пойду, пожалуй, – Платону стало неловко от присутствия на чужой ссоре.

– Не обращай внимания, посиди еще, – попросила Лизка. – Хочешь, добавки насыплю.

– Время позднее, надо вещи разложить, постель приготовить...

Он ушел. Тальберг остался сидеть на кухне и глядеть через окно на фонарный столб, освещающий играющих в домино мужиков.

В ту ночь Тальберг долго не мог заснуть. У него то замерзали ноги, то становилось жарко, то ныли колени. Он ворочался в попытках отыскать положение, при котором количество мешающих частей тела сводилось бы к минимуму.

Поворачивался на левый бок, ему сдавливало грудь, и он задыхался. Тогда ложился на правый бок лицом к Лизкиному затылку, и становилось еще хуже, потому что отовсюду начинали лезть совсем уж нехорошие мысли.

Он любил Лизку, но сомневался в обратном. Особенно сегодня, когда видел, какими глазами на нее смотрел Платон.

Захотелось пить. Сел и долго шуршал под кроватью ногой в поисках тапочек.

– Чего тебе не спится? – сонным голосом спросила Лизка, не оборачиваясь.

– Жажда мучит, во рту пересохло.

– Ы-ы... ты чаник... кух... – пробормотала она и снова захрапела.

Тальберг отыскивал второй растоптанный тапок, сунул в него ногу и пошел на кухню. Свет включать не стал, чтобы не шуриться, как крот. Долго не мог на ощупь найти на плите чайник, а когда нашел, с разочарованием обнаружил, что воды в нем почти нет. Он попробовал выпить через носик остаток со дна, но на первом же глотке в рот попали отколовшиеся кусочки накипи.

Он с отвращением выплюнул их в умывальник. Проходя мимо Ольгиной комнаты, услышал тихий ритмичный шум, словно толпа маленьких гномов яростно забивала микроскопические гвозди миниатюрными молоточками. Осторожно приоткрыл дверь и увидел спину Ольги, сидящей под ночником у окна и мерно покачивающейся в такт агрессивной музыке, пробивающейся сквозь наушники. На коленях у нее лежала раскрытая книга.

Тальберг взглянул на настенные часы – два часа ночи! – и открыл рот, чтобы устроить нагоняй за чтение в темноте и несоблюдение режима сна, но передумал и на цыпочках вернулся в спальню.

Лизка во сне повернулась к нему лицом. Полумрак скрыл появляющиеся морщинки, и она выглядела на пять лет моложе.

Ему захотелось ее поцеловать. Он наклонился и уткнулся губами в щеку.

– Ум-м-мм... колешься... Опять не побрился, – промычала Лизка и снова отвернулась к стене.

Он лег к ней спиной, сунул руку под подушку и заснул.

4.

Позвонила Лизка и напомнила купить продукты после работы. Картофель, яйца, масло, хлеб. Тальберг записал точное количество и вес, потому что без списка в магазины не ходил.

Он отличался плохой памятью и записывал на листочки все, а потом эти клочки скапливались на комодке, в карманах, на холодильнике. Проблему вызывала необходимость в нужный момент найти правильную записку.

Саня захихикал и посоветовал завести бумажку со списком бумажек.

Забегал Мухин, предупредил, что на шестнадцать ноль-ноль объявлен сбор по всему персоналу НИИ в главном зале. Явка обязательна.

– Надеюсь, надолго не затянется, – Тальберг сообразил, что не успеет в магазин, если заседание продлится долго.

– Насколько надо, настолько и затянется, – отрубил Мухин, – вопрос государственной важности.

– У нас все государственной важности. Она уже в печенках сидит.

– Не вздумай эту крамолу при других вслух сказать, – предупредил Павел Владимирович и покачал пальцем, словно Тальберг был маленьким ребенком из младшей ясельной группы и еще не знал, что такое хорошо и что такое плохо.

Время до трех ушло на заполнение отчета об испытании установки, но Тальбергу постоянно мешали. Едва он приступал к новому абзацу, непременно кто-то заходил на чай, как бы мимоходом.

Слух о краените мгновенно разлетелся по институту. Профессора находились в состоянии легкой возбужденности. С Тальбергом здоровались те, кто последние пятнадцать лет игнорировал или вовсе не догадывался о его существовании. Даже Самойлов (второй зять директора, бывший на год старше самого Кольцова), выбирающий под свою группу все денежные темы и поэтому свысока смотрящий на бесплодные фундаментальные научные мучения Тальберга, зашел на чай и долго тарашился на кусок краенита, постукивая по нему пальцем и повторяя «интересненько», «замечательно-невероятно» и «кто бы мог подумать». Затем пожал руку с плохо скрываемой завистью, граничащей с ненавистью:

– Поздравляю, коллега! Надеюсь в скором будущем получить образец для исследований в моей группе.

Тальберг пообещал, зная, что краенит поделят и без его участия.

– Думаю, наше сотрудничество окажется плодотворным, – кивнул на прощание Самойлов и ушел.

Тальберг записал на бумажке «краенит – самоелову» и вложил в журнал вместо закладки.

Окончательно стало понятно, что звездный час настал, когда сам Кольцов зашел в обеденный перерыв, чтобы лично полюбоваться на пресловутый кусок Края.

– Не ожидал, что этот день придет, – признался он. – Точнее, не думал, что он наступит при моей жизни.

– Благодарю за оптимизм и веру в наши начинания.

Кольцова можно понять.

Пятнадцать лет Тальберг возился со своей идеей, менял схемы и подбирал частоты без видимых результатов, пригодных для демонстрации финансовой инспекции. Он сам периодически впадал в депрессию и отчаяние и едва подавлял желание взять тему по оборонке, как у всех. Он жил с постоянным осознанием, что в НИИ Края его группа существует лишь потому, что на весь институт он единственный человек, хоть как-то специализирующийся на Крае.

Финансирование упало до неприлично низких цифр и практически прекратилось. От шести сотрудников в результате сокращений, именуемых оптимизациями, остался один Тальберг. Спустя год работы в одиночку он потребовал или ликвидировать группу, или расширить штат хотя бы заваливающим лаборантом. Кольцов подумал и согласился.

– Ты в курсе, что краенит на учете и должен выдаваться под роспись другим лабораториям по утвержденной квоте?

Тальберг был не в курсе, но и не удивился. Он ожидал подобного.

– Надо вырезать побольше кусков, чтобы на всех хватило.

– Само собой, конечно, – сказал Кольцов и снова повторил: – Говорю же, согласно квоте и в утвержденном порядке.

Тальберг не сомневался, что первой в этом порядке окажется группа Самойлова.

В половину четвертого отложил недописанный отчет и вместе с Саней отправился в главный зал.

Численность персонала НИИ не впечатляла – после полного сбора часть кресел пустовала. Помещение строилось из расчета на прием гостей и проведение симпозиумов, но переход на оборонку снизил количество мероприятий до нуля.

Тальберг огляделся. Из-за кафедры возвышался скучающий Кольцов, за его спиной стояли составленные в ряд два стола. По правую руку от него сидел Мухин с каменным лицом, а по левую – товарищ в гражданском, на лбу которого читалось, что он из органов.

Люди неторопливо стягивались, рассаживались по креслам. Каждый пришедший обходил присутствующих, приветствовал и интересовался, зачем их собрали.

Никто ничего не знал наверняка, поэтому пересказывали слухи. Самый неприятный сводился к тому, что могли сократить зарплаты за счет премий. Кольцов не раз передавал новости из столицы, что ситуация в стране нестабильная и придется ужаться. Непонятно только, оставят ли всех на местах, но снизят оплату, или сократят штат, но сохранят зарплату тем, кто останется. Смущали оба варианта.

Наличие в президиуме товарища из органов позволяло усомниться, что их собрали поговорить о грядущем сокращении.

Тальберг выбрал место возле Шмидта, найдя его в зале без труда – тот сидел в эпицентре круга из пустых сидений невозмутимым видом, будто ничего не замечал.

– О, Димитрий, – обрадовался Карл, – давно вас ждать для чай, как здесь говорить. Вы знаете, я вчера получить новый группа, то есть партия. Иметься любопытный экземпляры, вы обязательно должен посмотреть.

Тальберг улыбнулся и пообещал зайти.

Ровно в четыре зал закрыли, и наступила тишина. Кольцов вцепился двумя руками в кафедру, прочистил горло и громко зачитал с бумажки, завершая каждое предложение театральной паузой.

– Благодарю вас, коллеги, что нашли время собраться в этом зале. Вы знаете, политическая ситуация в мире не отличается стабильностью. Наше государство оказалось под моральным и физическим давлением враждебных нам правительств, фактически принуждающих нас к военным действиям, но нам удастся избегать провокаций...

«Опять за старое», подумал Тальберг, из-за подобного пафоса не слушающий радио и не смотрящий телевизор. Он с любопытством взглянул на Шмидта, чтобы оценить реакцию. Реакция отсутствовала – ни один мускул не шевельнулся на лице, будто сказанное Кольцовым не имело к Карлу отношения.

– ...Мир сотрясается от катаклизмов, терроризма и жестокости. Но мы не поддаемся и не сдаемся, направляя наши силы на укрепление всеобщего счастья, веря, что за нами – правда, и какие бы подлости не замыслили правительства других государств, мы убеждены, народы мира не хотят войны...

У Тальберга отключился слух. Он смотрел на Кольцова, но не слышал. В паузах между предложениями директор отрывал взгляд от бумажки, оценивая правильность реакции зала на провозглашаемые сентенции.

Он говорил и говорил обязательную идеологическую часть, но Тальберг, хорошо изучивший несменного директора за пятнадцать лет, знал, что Кольцов безразличен к прочитанному. От него требовали – он беспрекословно выполнял. Его ценили и продолжали держать в должности.

Товарищ из органов смотрел на Шмидта, видимо, заранее проинформированный о его гражданстве. Тальберг почувствовал, что часть внимания, предназначенного Карлу, распространилась и на него. Он поймал нахмуренный взгляд, опустил взор и уставился на наручные часы. Секундная стрелка лениво переползала между черточками.

Через полчаса поток политинформации о ситуации в мире иссяк. Кольцов оторвался от бумажки, сделал паузу и еще громче, чем прежде, прочитал резюме, ради которого их и согнали в общий зал:

– В связи с вышесказанным, в порядке исполнения секретной резолюции номер триста-двадцать-один дробь вз, пункт три распоряжением по институту номер шестнадцать дробь

один от сегодняшнего числа, распоряжаюсь произвести ряд мероприятий по повышению внутренней и внешней безопасности. Первое. Институт переводится в военный режим работы и передается под усиленную охрану. Сотрудники НИИ должны быть ознакомлены под роспись о личной ответственности за нераспространение внутренней информации всех уровней секретности. Второе. Каждый третий четверг месяца организовать проведение общих занятий по гражданской обороне и правилам действий при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Прокатился шорох недовольства. Кольцов поднял глаза, и зал затих.

– Третье. Проводить ежеквартально военные сборы для поддержания штатного персонала в надлежащей физической форме.

Семидесятилетний Карлушкин, сидевший в том же ряду, что и Шмидт, пощупал руку в месте, где когда-то располагался бицепс.

– Четвертое. Для охраны порядка организовать добровольные отряды с проведением дежурств в соответствии с установленным графиком.

«Опять эти графики», с досадой подумал Тальберг.

На этом пункты закончились, и Кольцов перешел к заключению:

– Контроль за выполнением распоряжения возложить на заместителя директора по научной работе Мухина Павла Владимировича. Оперативное руководство осуществляется начальником службы внутренней безопасности Безуглым Валентином Денисовичем.

Человек в штатском привстал, чтобы рассмотреть и запомнили на будущее.

– На этом наше собрание подошло к концу, руководители групп получают копии распоряжения для ознакомления. Всем спасибо за внимание, – Кольцов сгреб бумажки с кафедры, развернулся и ушел.

Присутствующие расходились в подавленном настроении. Шмидт почувствовал зависшее в воздухе напряжение и спросил:

– Плохо понимать официальный язык. Сказать, это быть какая-то проблема?

Тальберг отмахнулся.

– Переживем. У нас обычно суровость законов компенсируется необязательностью исполнения.

– Иногда я сильно удивляться, – произнес Шмидт с серьезным лицом, – как вы тут жить...

ГЛАВА II. Шторм неизвестности

5.

На субботу запланировали официальную демонстрацию. Тальбергу этот цирк напоминал свадьбу – всем весело и радостно, кроме молодоженов и их родителей. Женихом, очевидно, был он сам, а невестой? Установка?

Кольцов неделю изводил Тальберга, чтобы тот написал речь.

Тальберг ненавидел торжественные речи. В списке его персональных кошмаров первое место занимала фраза «А теперь, Дима, твоя очередь говорить тост», после чего требовалось выдать пару красивых выражений, за которые не грех выпить. Мысли бросались врассыпную, и то, что получалось выдавить, звучало коротко и скучно: «За здоровье» или «За любовь». Если и за первое, и за второе уже пили, ситуация становилась и вовсе катастрофической.

Через три дня творческих мучений он отдал Кольцову клочок бумаги с набором косноязычных фраз о том, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Директор пробежался по каракулям и процедил сквозь зубы:

– Иди, начищай до блеска свою установку, за тебя напишем. Ты хоть прочитай по-человечески, – попросил он.

Тальберг пообещал. Читать громко и с выражением он умел. Главное, полностью абстрагироваться от текста и ориентироваться на знаки препинания, и любая чушь звучала пафосно. Отсутствие необходимости думать упрощало жизнь, но требовало определенных навыков по игнорированию действительности.

Он почистил зубы, умыл лицо. Посмотрел в зеркало и решил не бриться. Много чести.

Лизка выгладила единственную парадную рубашку и повесила на дверцу шкафа. Она не вымолвила ни слова, но Тальберг отчетливо ощутил лучи холода, излучаемые Лизкиной спиной.

– Лиза... – попытался он.

– Чего тебе?

– Что опять не так?

– Все хорошо, просто замечательно, – сказала она таким тоном, чтобы даже тугому на намеки Тальбергу стало понятно – все плохо.

По-видимому, ему полагалось сделать что-то правильное и хорошее, отчего Лизка сменила бы гнев на милость. Особая трудность заключалась в том, чтобы догадаться самостоятельно, чем недовольны тараканы в Лизкиной голове. С другой стороны, именно сегодня не хотелось разгадывать ребусы, поэтому Тальберг сдался и отложил выяснение отношений «на потом».

Обуваясь, заметил, что правый каблук напрочь стерся, но решил, что внимания не обратят – верх-то хороший.

У входа в НИИ собирался народ. Директор бродил по крыльцу и ежесекундно поглядывал на вечно спешащие «командирские» часы. Расслабился только, когда увидел Тальберга.

– Бегом, давай, Дима, вся ответственность на тебе, – прокричал Кольцов, чем ничуть не облегчил ситуацию.

Подручные рабочие, которых в другое время не допросишься, вынесли на улицу свежеразкрашенную установку и закрепили на транспортировочной раме микроавтобуса.

Около получаса ждали Демидовича. Когда к крыльцу подъехал долгожданный черный автомобиль с тонировкой и без номеров, Кольцов подобострастно подбежал к дверце. Ему

что-то сказали через приспущенное стекло, он дал отмашку, и вся кавалькада из автобусов направилась к Краю.

Поездка обошлась без тряски, и казалось, они едут в неправильном направлении, и когда дверь откроется, станет понятно, что приехали в столицу, а не на задворки Лоскутовки. Отсутствие болтанки объяснялось просто – за последние две недели три десятка людей в оранжевых робах, размахивая лопатами денно и нощно, с горем пополам уложили асфальт до самого Края. Клали поверх снега, не ожидая практической пользы от дороги. Приедут, похлопают, командированные журналисты отошлют в газеты безграмотные статейки, и через два дня мир напрочь забудет о краените, НИИ и непонятной установке.

Если бы эти деньги не пустили на ненужную дорогу, прикинул Тальберг, ему бы хватило на переоборудование лаборатории.

Чем дальше ехали, тем сильнее он мандражировал. Мог случиться визит-эффект, когда демонстрируемый агрегат внезапно перестает функционировать в самый ответственный момент перед десятками людей и чиновников с длинными галстуками, заправленными в штаны. Обычно, виноват оказывается слабо закрученный винтик или отвалившийся контакт. Если подобное случится, Кольцов добьется его торжественных похорон тут же под Краем, чтобы гости не зря тащились в парадных костюмах в такую даль.

Всю неделю они с Саней гоняли установку в хвост и в гриву, добиваясь, чтобы каждый пуск проходил удачно, но возможность публичного провала оставалась.

Тальберг замерз. Перед ответственными событиями его морозило и трясло. Единственным действенным способом на время избавиться от озноба – сходить в кусты по-маленькому – он воспользоваться не мог.

По новой дороге доехали быстро. Народ высыпал из автобусов и разбрелся по местности, разглядывая неуютный пустынный ландшафт, на котором отказывалась расти трава. Семенова оставили сидеть в машине, чтобы он со своим огнетушителем не портил людям настроения, наводя на нехорошие мысли, что эта штуковина может загореться.

Тальберг открутил винты, и установку потащили к Краю на заранее подготовленную заасфальтированную площадку перед стеной.

– Могли бы стену оформить, – прошептал подошедший Кольцов, пока рабочие размещали оборудование на отведенном пятачке, – полное отсутствие культуры проведения мероприятий!

– Как оформить? – опешил Тальберг.

– Не знаю, транспарант повесить, место реза краской обозначить...

– Адгезия чуть выше нуля и почти абсолютная упругость, – Тальберг по стеклянным глазам директора догадался, что тот ничего не понимает, и пояснил: – Ни покрасить, ни приклеить, ни гвоздь забить! В нее плюнуть толком нельзя – отскочит!

– Да? – Кольцов с недоверием посмотрел на Тальберга, пытаясь определить, не шутит ли тот.

Он не догадывался, что Саня после очередного неудачного запуска установки в сердцах плюнул в Край и получил плевков обратно. Получилось одновременно и смешно, и обидно. Тальберг никогда в жизни так не хохотал.

Из автомобиля вылез Демидович – грузный, с бледным опухшим рыхлым лицом. При ходьбе он покачивался, отчего казалось, что вот-вот упадет на очередном шаге. В левой руке он держал меховую шапку. Распухшей правой пятерней зачесывал развевающиеся седые волосы, открывая высокий бугристый лоб, переходящий в огромный приплюснутый нос с широкими ноздрями.

Охранник семенил позади с предусмотрительно протянутыми руками, пытаясь предугадать траекторию возможного падения Демидовича, чтобы подхватить в полете.

Вслед за ними, замыкая шествие, шел Платон, которого Тальбергу сейчас менее всего хотелось видеть. Платон нес плащ, вероятно принадлежащий Котову.

Кольцов при виде начальства прекратил раздавать ценные указания и побежал к Демидовичу, вилия невидимым хвостом и надеясь «под шумок» выбить дополнительное финансирование по программе изучения и применения краенита.

– Какая у тебя потрясающая трехдневная щетина, – сказал Платон Тальбергу. – Всегда удивлялся, как ты ее добиваешься.

– Сама растет, если не трогать.

Платон провел свободной рукой по до блеска выбритой щеке и продолжал, будто не заметил сарказма:

– Смотрю, ты герой дня. Установку интересную придумал. Молодец, не ожидал от тебя, – он выдержал театральную паузу для усиления эффекта и с притворным удивлением хлопнул себя по лбу, будто только что вспомнил: – Да что я говорю? Я и семнадцать лет назад не ожидал. А ты сделал.

Тальберг посмотрел ему в лицо. Платон глядел кристально чистыми глазами, от которых веяло нездоровым холодом. Рот улыбался, но во взгляде читалась ненависть. Саня оторвался от установки и с любопытством уставился на них в попытке догадаться, о чем разговор.

– Правильно я сделал, – сказал Тальберг. – И сейчас бы все повторил.

– Странная у тебя правильность, – Платона задело за живое. – Я годами помнил, мучился. И чем дольше думал, тем меньше виделось правильного. Что может быть справедливого в том, чтобы в одно мгновение потерять двух людей, которых считал самыми близкими?

Он развернулся и твердым шагом направился к Демидовичу.

– Что он имел в виду? – не выдержал Саня.

– Да ну его! – отмахнулся Тальберг, давая понять, что не хочет обсуждать. – Включай на прогрев.

Подошел Кольцов, поинтересовался, как идет процесс. Удовлетворенно кивнул и мимоходом сообщил, что Тальбергу речь не доверит и от имени института выступит самостоятельно, мол, субординация и уровень мероприятия требуют. Тальберг сразу сообразил, что Кольцов решил засветиться перед центром и создать впечатление, что установка разрабатывалась при его активном участии и под непосредственным руководством. На деле же, Николай Константинович понятия не имел, как она работает, и пять последних лет уговаривал перейти на другую тему.

Однако Тальберг почувствовал облегчение, избавившись от необходимости выступать на публике – ради такого стоило пожертвовать лаврами победителя.

Люди бродили по площадке и расставляли штативы. Какой-то деятельный парень с папкой сновал по местности, оказываясь одновременно в разных местах. Он отвечал за организацию мероприятия – рассаживал высоких гостей, распределял прочих зевак по секторам, размещал фотографов. Подойдя к установке, он прищурился и оценил картинку. Два сгорбившихся человека, по его мнению, плохо вписывались в кадр, поэтому он спросил:

– Вы не могли бы отойти от этой штуки, чтобы вид не загоразивался?

– Нет, – разозлился Тальберг. – Она без нас не включится.

– Жаль, – парень не заметил явного недружелюбия и побежал дальше упорядочивать нестройные ряды присутствующих.

– Установка прогрелась, – сообщил Саня, глядя на индикатор термоматчика, установленного неделю назад для надежности.

Тальберг доложил Кольцову, что можно приступать. Пришлось подождать, пока организатор подаст сигнал взмахом флажка.

Директор поприветствовал присутствующих. Затем в микрофон вцепился Демидович и с нечленораздельной стариковской дикцией провозгласил очередную победу отечественной науки.

Перешли к демонстрационной части программы. Саня выставил мощность на треть и принялся крутить маховики привычными движениями, за неделю отработанными до автоматизма. Черная точка на поверхности стены появилась мгновенно. Линия реза получалась четкой, с ровными краями.

Пока Саня резал, Тальберг стоял рядом, готовый прийти на выручку, если мероприятие пойдет не по плану. От них требовалось сделать небольшой рез в десяток сантиметров для получения символического кусочка краенита. Не морозить же высоких гостей час на открытом воздухе!

Демидович стоял с полузакрытыми глазами и покачивался с шапкой в руке. Тальберг подозревал, что Котов спит стоя и не падает только потому, что охранник поддерживает его сзади.

Фотографы поочередно подходили поближе и делали снимки работающей установки. Вскоре кусочек краенита вывалился из Края.

Демонстрация закончилась, присутствующие захлопали. Саня перевел ручку мощности в ноль, но выключать не стал и, на всякий случай, оставил в режиме прогрева. Тальберг облегченно вздохнул. Свою часть они выполнили, пришло время переходить к официозу и поздравлениям. Саня шепнул, что пойдет покурить, и ретировался за автобусы.

Кольцов взял бумажку, для солидности вложенную в красную папку. Тальберг встал в двух шагах от него. Камеры защелкали, директор приступил к чтению:

– Уважаемые присутствующие! Мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями впечатляющей победы человека над тайнами природы, когда что-то, вчера считавшееся невозможным, становится реальным...

Тут произошло нечто, протоколом не предусмотренное. В толпе образовалось непонятное шевеление. Зеваки одновременно начали перешептываться, и в воздухе повис низкочастотный гул, ежесекундно прибавляющий в громкости. Внимание цеплялось за еле видимое движение в массовке. Нарушалась торжественность атмосферы, и Кольцов это почувствовал – паузы в его речи попадались чаще и становились длиннее.

Тальберг не сразу выявил причину оживленности. Люди в задних рядах оглядывались и показывали куда-то пальцами. Он ворочал головой в попытках понять, что происходит, но из-за толпы не мог ничего разглядеть и чувствовал себя обделенным. Он и в НИИ вечно узнавал новости в последнюю очередь, причем от Сани, хотя по субординации должен был его информировать.

– Бежит! – удалось разобрать отдельные возгласы. – Прямо сюда!

Кто бежит? Тальберг привстал на цыпочки в попытках высмотреть причину массового оживления. Кольцова не слушали, и он перестал читать.

Шум становился громче, напряжение нарастало. В толпе раздался женский визг, в рядах присутствующих показалась прореха, через которую в круг влетел... ослепительно белый заяц.

Он мчался к Тальбергу, опешившему от неожиданности и не успевшему отреагировать. Ушастая молния пересекла пространство между выступающими и наблюдающими и на всей скорости врезалась в установку, отозвавшуюся жалобным металлическим звоном.

Тальберг сглотнул и посмотрел на лежащее у ног пушистое тело, понимая, что случился конфуз.

В задних рядах засмеялись. Толпа гудела, щелкали фотоаппараты. Растерявшийся Тальберг продолжал стоять истуканом. Оглядываясь по сторонам, он заметил довольное лицо улыбающегося Платона.

«Не мог же он зайца притащить? А вдруг? – мелькнула мысль. – Нет. Ерунда какая-то, люди в сорок лет так уже не развлекаются».

– На охотника и зверь бежит, – натужно пошутили в задних рядах, и гости захохотали.

– Из него шкварок можно нажарить, – посыпались шутки со всех сторон. – Еще и на воротник останется.

Стиснув зубы, Кольцов тайком прошептал Тальбергу:

– Отнеси куда-нибудь!

Покрасневший Тальберг наклонился, поднял за уши мягкое теплое тело и в раздумьях пошел к автомобилям. Пятнадцать метров под пристальным вниманием десятков людей, отпускающих шуточки, показались бесконечными.

За автобусом стоял Саня и задумчиво курил, пропустив заячий перформанс. Заинтригованный неожиданным оживлением, он хотел разузнать у Тальберга, откуда шум, но заметил зайца и сильно удивился, едва не выронив сигарету.

– Это что?

Тальберг сунул ему в руки тушку и буркнул:

– Охотничий трофей. Делай с ним, что хочешь. Можешь в пакет положить, чтобы никто не увидел.

Он вернулся на место. Остаток мероприятия получился коротким и скомканным, потому что директора уже не слушали. Гости перешептывались и обсуждали зайца. Установка и Край ушли на второй план.

– Что это было? – спросил Кольцов, когда все закончилось и толпа расплылась по автомобилям и автобусам.

Тальберг предположил, что высокочастотный звук или излучение от установки могли привлечь животное. Но он не биолог и точнее не скажет, так как не знает диапазон частот у заячьих ушей.

Подошел Платон.

– Кажется, я догадался, почему заяц прибежал, – изрек он с серьезным лицом. – Он решил, что ты для него нору сделал.

– Иди в... – ответил Тальберг, порядком подуставший от шуток.

– Посмотрим, куда заяц тебя заведет, – Платон отсалютовал и ушел вслед за Демидовичем.

6.

В понедельник каждая собака в институте знала подробности инцидента с зайцем. Новогодние снежинки, украшавшие стенд в фойе и провисевшие три месяца из-за банальной лени, наконец, исчезли. На их местах появились бумажные заячьи силуэты с длинными ушами. Тальберг шутку оценил ухмылкой, сорвал самый большой экземпляр с особенно нахальной мордой и скатал в шар.

– Ты куда тушку дел? – спросил у Сани.

– Какую тушку? – не понял тот. – А-а, эту... У меня есть знакомый таксидермист, он за месяц из нее чучело сделает, от живого не отличите, зуб даю. Причем абсолютно бесплатно, по дружбе. У него вообще талант. Когда к нему в гости прихожу, он такие вещи показывает, прямо не веришь, что у них мотки проволоки внутри. На прошлой неделе он с собакой возился, один мужик заказал в память...

– Что ты с чучелом делать собрался? – перебил Тальберг, не вдохновленный историями из жизни таксидермистов.

– Не знаю. Сюда принесу, поставим, как трофей, – предложил Саня. – Ни у кого нет, а у нас будет.

– Не хочется мне иметь эту штуку в лаборатории.

Не успели договорить, как зазвонил телефон и голос Натальи сообщил, что Кольцов вызывает к себе. Срочно.

Пришлось оставить на хозяйстве Саню и отправиться «на ковер». В приемной Наталья не дала присесть и отправила в кабинет, сказав, что Николай Константинович ждет и распорядился принять без промедления.

– Добрый день, – деланно обрадовался Кольцов, привстал и пожал руку двумя ладонями, чтобы подчеркнуть, насколько он счастлив. – Присаживайся.

Тальберг сел. Директор с места в карьер перешел к делу:

– Дима, хочу поговорить о вопросах дальнейших перспектив, касательно твоей... хм... установки или как ты ее называешь. На нашем внутреннем научном совете при участии Мухина мы пришли к выводу, что работу следует проводить по двум направлениям. Во-первых, изучение самого вещества Края...

– Краенита, – поправил Тальберг автоматически.

– Пусть будет краенит, – согласился Кольцов, – бывают названия и хуже. Так вот, изучение свойств и разработка вариантов применения краенита. Этим займется группа Самойлова. Во-вторых, повышение производительности установки для увеличения добычи. Сколько, говоришь, глубина реза?

– Одиннадцать с половиной сантиметров, – Тальберг по приезду в НИИ измерил линейкой отметку на маршрутном листе.

– А скорость?

– Около сантиметра в минуту.

– Вот и замечательно, – обрадовался Кольцов. – Хотелось бы на первом этапе увеличить глубину реза в два раза. А там и скоростью займемся.

– Не так быстро, – усомнился Тальберг. – Надо мощность повысить.

– В два-то раза ты сможешь, – легкомысленно произнес Кольцов. – Мы в тебя верим.

– В квадрате надо брать, мощность луча падает квадратично расстоянию, то есть в четыре раза, – поправил Тальберг. – Плюс нужна улучшенная система охлаждения на сжиженных инертных газах.

Кольцов скривился, словно в конце большого кулька вкусных семечек ему попала одна прогорклая и все испортила.

– Технические мелочи. Привлечешь Назарова, он на холодильниках за двадцать лет поднаторел и с радостью тебе поможет, – отмахнулся Кольцов. – Я к тому веду, что ты возглавишь группу по повышению мощности установки. Задача-минимум – получение рабочего прототипа промышленной конфигурации с последующей наладкой серийного производства.

– Где мои аккумуляторы, полгода назад заказанные? – пошел в наступление Тальберг, чувствуя, что настал подходящий момент для плетения веревок из начальства. Если сейчас не поставить вопрос ребром, потом не допросишься.

– С ними пока прокол, – признал Кольцов. – Но не по нашей вине. Почитай.

Он отыскал в папке с корреспонденцией письмо и передал Тальбергу, чтобы тот зачитал вслух бледный текст на желтой бумаге.

– Директору Лоскутовского НИИ по вопросам изучения Края Кольцову Н. К. Уважаемый Николай Константинович. Настоящим уведомляем вас, что в такое сложное время, когда страну колбасит непредсказуемый шторм неизвестности...

Тальберг замолчал и про себя перечитал строку два раза, желая убедиться, что ничего не перепутал. Поглядел на Кольцова. Тот понимающе кивнул, мол, все правильно, дальше давай.

– ...непредсказуемый шторм неизвестности, в соответствии с политикой минимизации рисков и с учетом наличия имеющейся задолженности по другим договорам, ранее заключен-

ным с вашим институтом, мы не можем выполнить поставки до получения авансового платежа в полном объеме. С уважением, директор ЗАО «СпецНаучЭнергия» Агеев А. А.

– Видишь? – восторжествовал Кольцов, причем причина радости осталась загадкой, так как ничего оптимистичного Тальберг в письме не нашел. – Но не волнуйся. Мы обязательно вопросы с предоплатой устраним в кратчайшие сроки. Ты, кстати, на досуге посиди, подумай хорошенько, что тебе для работы надо, составь списочек. Мы внимательно изучим и покумекаем, как твои проблемы решить оптимальным образом.

Знаем, плавали, оптимизация путем профанации.

– Сильно не переживай, нам пообещали увеличить финансирование по твоей работе со следующего месяца, – Кольцов словно прочитал мысли. – У тебя будет полноценная группа с полным обеспечением.

– С улицы наберете? – с недоверием спросил Тальберг.

– Что ты! – возмутился директор. – На такую важную тему кого попало ставить нельзя. Пройдем по другим лабораториям, пощиплем-поскубем – человек там, человек тут.

– Отдадут, кого не жалко, – Тальберг представил, как «щиплют» Самойлова, а тот кричит «Сроки! Жесточайшие сроки! Если у меня не хватит людей, не смогу ничего предоставить к концу квартала! Сами отдуваться будете!»

– Карты в руки, лично выберешь, кто тебе подходит, не маленькие дети, разберемся. Никто не уйдет обиженный. Сколько тебе человек в группу надо?

– Семь, – ответил Тальберг, не задумываясь.

– Почему семь? – полюбопытствовал Кольцов.

– Число хорошее.

– Ну и ладно, – беспечно согласился директор и прикинул: – Ты и Адуев – уже двое, остается найти еще пятерых. За недельку подберем, оформим приказом по институту, и в бой. Я подписал распоряжение, чтобы твою группу освободили от военных сборов и занятий по ГО.

Тальберг сидел, сцепив руки в замок и похрустывая пальцами. Он упорно продолжал не верить в происходящее. Казалось, зазвонит будильник, он проснется, и Кольцов превратится в привычный крейсер, палящий во все стороны из пушек бронебойными снарядами «Финансирование оптимизируют, но вы держитесь!», «Урезайте до минимума!» и «Я вам из своего кармана оплачивать не собираюсь!»

Часть мелких расходных материалов покупалась сотрудниками именно за свои деньги, потому что получение через снабжение заурядного простого карандаша сопровождалось немислимой кучей бумажек, на заполнение которых здоровья не хватит. Тальберг подозревал, это один из нехитрых способов сокращения расходов.

Он не удержался:

– С чего такая щедрость?

– Как с чего? – Кольцов возмутился так, будто Тальберг нашел клад и сам не понял. – Твоя работа представляет огромный интерес. Причем не теоретический, а самый что ни на есть практический. Из центра обратились, на высшем уровне!

– Какой такой интерес? – изумился Тальберг, гадая, на что может сгодиться бесполезный краенит.

– Что значит «какой»? – Кольцов испытывал раздражение от Тальберговой глупости и неумения смотреть в перспективу. – Материал с потрясающей прочностью, превышающей известные нам пределы! Из него можно нарезать тонких пластинок, и при толщине картона они смогут выдерживать прямое попадание пуль и снарядов.

– Опять оборонка... – разочарованно протянул Тальберг. Все стало ясно.

– Ты тут пацифизмом сильно не размахивай, – одернул Кольцов. – Можешь утешать себя, что краенит будет защищать жизни, а не отбирать. И вообще, если научишься добывать в боль-

ших количествах, подумаем и о гражданском применении. У тебя есть дополнительный стимул работать усерднее.

– Дать вам волю, вы бы из него пулю понаделали, – слабо пошутил Тальберг.

– Пули из краенита делать невыгодно, – отрубил Кольцов, и стало ясно, что такой вариант тоже прорабатывался, возможно, самым первым.

– Я пошел.

– Иди-иди. И не забудь список составить на материальное обеспечение, – напомнил директор вдогонку.

В приемной Наталья бросила на Тальберга вопросительный взгляд. Он выглядел растерянно, ошарашенный новостями и манной небесной, нагадано свалившейся на голову. Он не понимал, в помещении жарко или у него отключились нужные рецепторы. Захотелось воды, будто вечность не пил.

– Все хорошо? – спросила Наталья, заваривая кофе Кольцову.

– Наверное, да, – произнес Тальберг и на негнущихся ногах поковылял в лабораторию.

7.

Демидович дал два дня выходных на новоселье. Платон воспользовался свободой и отправился на прогулку. Безветренную погоду дополняло не по-зимнему теплое солнце, поэтому он расстегнул куртку, стоя возле подъезда и размышляя, куда пойти.

Внимание привлекли мужики, забивающие козла за одиноким столом. От громких ударов костяшками о железную столешницу с деревьев слетали вороны и встревоженно кружили над двором. Платон решил познакомиться с соседями.

Он подошел к доминошникам, представился и каждому пожал руку, надеясь не запомнить протереть дома ладони спиртом. Мужики называли имена, но он не их не запомнил, сознавая тщетность усилий.

Платон объяснил, что он их новый сосед и некоторое время будет жить на ведомственной квартире во втором подъезде.

– Живи на здоровье, – разрешил один из них, с огромной бородой, пользующийся наибольшим авторитетом. – Мы про тебя и так знаем, Клещ с Пеплом барахло твое разгрузали.

– Козла забьешь? – предложили Платону.

Платон хотел отказаться, но сообразил, что рискует испортить отношения с новыми знакомыми, и согласился в надежде, что пытка надолго не затянется.

На четвертой или пятой партии он осознал, что игра может тянуться вечность. Игралось скучно, он привык к шахматам, а на домино смотрел с брезгливостью, дополняющейся тем, что полустертые кости липли к пальцам, и, беря очередную костяшку, он пытался скрыть отвращение.

– А Димку вы знаете? – спросил для поддержания разговора.

– Какого?

– Который из седьмой квартиры.

Мужики задумались, не забывая бить костями. Лицо одного из них, плюгавенького и на протяжении всей партии сидевшего молча, внезапно просветлело, и он воскликнул:

– Тальберг?

– Точно! – обрадовался Платон. – Он самый.

Димку Тальберга знали все.

– Есть такой, – бородач сосредоточенно разглядывал выпавшее домино. – А что надобно-то?

– Да так. Мы с ним по молодости вместе квартиру снимали, а до этого в один класс...

– Рыба! – перебил его громкий голос одного из игравших. Платон вздрогнул и поморщился, недовольный, что ему не дали договорить.

Когда гул стих и началось очередное перемешивание костей, он как бы невзначай продолжил:

– Вот, думаю, узнаю, как он здесь живет.

– Как живет? – проронил бородатый. – Нормально. На работу ходит. С работы ходит. Ведет примерный образ жизни, не пьет, не курит, в карты не играет, видать, хочет помереть здоровым.

Мужики захохотали.

«Тальберг такой», подумал Платон и вспомнил студенческие годы, когда они вместе бегали по утрам в соседнюю школу подтягиваться на турниках. Платон тогда увлекся спортом и записался в кружок по борьбе, да и сейчас не упускал возможности посетить спортивный зал.

Но от правильности Тальберга тошнило. Не человек, а книжный червь-переросток. Подсознательно хотелось его спойть, заставить играть в карты на раздевание, заманить в женское общежитие института иностранных языков к безотказной Насте с вьющимися волосами... в разных местах. Тогда бы он стал похож на нормального человека.

Платон осознал, как эти годы его выводил из себя Тальберг. Он со злостью ударил костяшкой, едва не оглохнув от грохота.

«Чтоб ты сдох», подумал он, почувствовав, как зашиб ладонь о металлическую столешницу.

– А с женщинами у него как? – неожиданно для самого себя спросил Платон и тут исправился: – В смысле, с бабами.

– С бабами? Хрен его знает. Жена у него есть. Вот он с ней, наверное, каждый четный вторник при выключенном свете того-этого, – бородач ярко изобразил на пальцах, как выглядит «того-этого».

Мужики снова захохотали.

– Да ну его, твоего Тальберга, – сказал бородач. – Люди, оторвавшиеся от коллектива, нас не интересуют.

Платон понял две вещи. Во-первых, Тальберга здесь не жаловали. А во-вторых, он правильно сделал, что согласился «забить козла».

С другой стороны, попытка апельсинами в форме домино все не заканчивалась. Мужики Платону были неприятны, шутки их – однообразны, но и выглядеть белой вороной не хотелось.

– Постой, – опомнился кто-то. – Сегодня ж пятница.

– Точно!

– У меня сюрприз по случаю получки, – объявил сидевший напротив мужик с красными ушами, торчавшими из-под кепки-пирожка. Платон узнал в нем грузчика, разгрузившего его вещи.

– Покажуй, че у тебя, не томи, – загалдели присутствующие.

Мужик достал из сумки бутыль с красным содержимым и пафосно объявил:

– От Михалыча! Четыре бутылки!

Платон поморщился от кислотной расцветки. Доминошники одобрительно загудели, а маленький лысенький старичок, сидевший по правую сторону от Платона, пояснил:

– Гадость, конечно, зато вкус и цвет каждый раз новый. Привносит в жизнь разнообразие, так сказать.

– Как говорит Михалыч... Забыл, блин, как он говорит.

– Диверсификация!

– Понахвтался умных слов в своем институте. Зарыл в науке талант.

Из воздуха материализовались пластиковые стаканчики. Платон обнаружил, что из закуски у них только рукав, и в очередной раз огорчился, что не остался дома. Но ситуация требовала решения, и он прикинул убытки.

– Вот, – он выложил купюру, – надо кого-то за закусью послать.

По всеобщему бурному восторгу Платон понял, что угадал с общественными настроением и заработал десяток очков на личный счет. Тощий схватил деньги и рысцой побежал за дальний край дома, откуда вернулся с одноразовым пакетом.

Когда красная жидкость перекечевала в посуду, Платон поднял стаканчик и гадливо приблизил к носу. Запах неожиданно оказался приятным с тонкими цветочными нотками.

– Шибет на раз, – предупредил дедуля в черной вязаной шапке из-под Платоновой подмышки. – Зато без похмелья.

«Хоть одна хорошая новость», подумал Платон.

– За новоселье! – провозгласил бородач. – И за новосела!

Выпили, и Платон незамедлительно почувствовал, что означает «шибет на раз».

Дальнейшие события в его памяти отложились весьма сумбурно. Когда он вспоминал о них впоследствии, ему становилось стыдно. Он помнил, что таинственная настойка неизвестного Михалыча не заканчивалась – они выпивали за здоровье, и стаканы наполнялись снова.

Платон старался закусывать, но уже на третьей забыл, как его зовут. Он знал только, что милые люди, сидящие рядом, самые лучшие люди на свете, и готов был их целовать взапас «на брудершафт». Даже если придется играть в домино вечно и под скабрзные шуточки.

Он запомнил, что бородатого зовут Костылев, но другие кличут его Костылем. Особенно мил и приятен оказался старичок, сидевший у Платона под мышкой. Платон почему-то решил, что его зовут Лука.

– Человек – все может... лишь бы захотел... – повторял Лука, и все немедленно за это пили, потому человек – звучит гордо, а когда гордые люди друг друга уважают, они не могут за это не выпить.

Обсудили роль личности в истории, переругались, помирились, заужавали друг друга еще сильнее и, в конце концов, перешли к обсуждению баб.

– Гляди – какой я? Лысый... А отчего? От этих вот самых разных баб... – говорил Лука и, сняв шапку, гордо демонстрировал лысину.

– Не скажи! – запротестовал Платон. – Бабы бывают разные. Некоторые очень даже хороши! – он для убедительности вытянул перед собой руки и растопырил пальцы, словно держал два огромных апельсина или небольшие дыни, – такие, просто ух! И глаза зеленые! Жаль, что замужем, я бы ее прямо щас...

– В женщине душа должна быть, – выдал красноухий в кепке, которого, кажется, звали Пеплом.

– И тело, – добавил Платон, вспомнив белые Лизкины ноги.

– Это тоже, конечно, – согласился Пепел, и они выпили за женщин два раза – за прекрасное тело и за чуткую душу.

Платон потерялся во времени и пространстве. Вся видимая часть Вселенной состояла из белого кружка на дне одноразового стаканчика. Когда он почти перешел на автопилот, неожиданно вспомнился Тальберг.

– А Тальберг гнида, – заявил он и икнул.

– Конечно, г-гнида, – запинаясь, подтвердил тощий. – Если такой прекрасный человек, как ты, говорит, что он гнида, значит, так оно и есть, оно не может не быть.

– Я его сожру.

– Сожрешь.

– Я у него Лизку уведу.

– Конечно, уведешь... А куда?

– Тут главное не куда, а у кого! – с трудом поднял указательный палец Платон и так, с задраным пальцем, и завалился на скамейке, едва не нырнув под стол. Перед тем, как окончательно забыться в неприятном алкогольном сне, он нащупал у ног прочную деревянную палку и в обнимку с ней заснул.

– Готов, – констатировал тощий и одним профессиональным глотком допил настойку из осиротевшего стакана Платона. – Чтоб зазря не пропала. Кто помнит, из какой он квартиры?

– Клещ с Пеплом ему холодильник тянули, – вспомнил Костыль.

– Так они уже «в мясо», – ответил тощий. – Рядышком отдыхают.

– Не беда, – Костылев почесал живот. – Организуем по высшему разряду.

8.

Они учились в одном классе в Лоскутовке. После выпуска отправились пытаться счастья в столичных вузах: Тальберг поступил на кафедру прикладной физики, а Платон пошел по экономической стезе.

В общежитии жить не захотели. Тальберг переживал, что в шумной общаге не сможет сосредоточиться, а Платон ненавидел графики и распорядки. Он хотел приходить и уходить не по часам, а в любое время дня и ночи. Университеты находились рядом, поэтому решили снимать квартиру на двоих, деля оплату поровну.

Стипендии не хватало, приходилось подрабатывать, перетаскивая мебель на переездах – стулья, холодильники, журнальные столики, буфеты и серванты. Однажды довелось переправлять старинный трехстворчатый шкаф с богатой резьбой и огромными ножками. Он не помещался в лифт, но хозяин наотрез отказался разбирать, опасаясь, что антиквариат рассыплется, поэтому деревянного монстра с восьмого этажа тащили на горбу, зарабатывая синяки и ушибы.

По ночам разгружали вагоны – за них платили больше всего. Тальберг перетаскивал мешки быстро, стараясь поскорее закончить. Платон за ним не поспевал, но деньги делили поровну.

Однажды ночью довелось выгребать бетон, вылившийся из опалубки и образовавший внушительную горку на дне ямы. Поначалу дело продвигалось довольно споро. Они резво махали лопатами, набрасывая серую массу в корыто, но время шло, и работать становилось тяжелее – бетон отвердевал на глазах. Последние куски долбили арматурой.

После интенсивной работы не оставалось сил, и Тальберг отсыпался на занятиях, укоряя себя за невнимательность и утешаясь финансовой независимостью.

Платон учился играючи. Он соображал на ходу и никогда не сидел за книгами, запоминая необходимый материал на лекциях. Тальбергу повезло меньше – он корпел над учебниками, перечитывая каждую страницу раз за разом до полного просветления, и выполнял все до единого упражнения.

Учеба ему давалась с трудом, но он получал удовольствие, докапываясь до мелочей и ставя преподавателей вопросами в тупик.

Будучи немалою роста, Тальберг после каждого занятия подходил к очередному лектору и настойчиво, глядя сверху вниз, просил объяснить, почему тут нужно применять минус, а здесь – плюс. Слабые духом профессора, привыкшие, что студенты обычно дремлют на лекциях и вмиг исчезают после звонка, заметив издали Тальберга, норовили сбежать.

Преподаватель по электротехнике не выдержал и выставил экзамен досрочно, чтобы его не видеть, но и это не помогло. У Тальберга накопились вопросы, и он не успокоился, пока их не задал.

– Бросай это гиблое дело, – говорил Платон, проутюживая брюки для вечерних прогулок. – Пойдем, проветримся, а то сдохнешь тут со своими тетрадками.

Тальберг, у которого от усердного учения порой давило в висках, откладывал справочники в сторону, и они шли гулять по проспекту, высматривая сидящих на скамейках студентов с целью развлечься легким флиртом. На ведущих ролях выступал Платон. Из-за врожденной стеснительности Тальбергу обычно доставалась «менее красивая подруга», но он не жаловался, понимая, что в одиночку ему не светит и этого.

Однажды весной встретили двух девушек на скамейке у памятника. Платон с ходу ворвался в беседу с одной из заранее заготовленных шуток. Слово за слово разговорились. Оказалось, что они собирались в кинотеатр на новый фильм, но опоздали и ждали следующего сеанса.

– Поход в кино можно отложить, – сказал Платон и предложил прогуляться в кафе. Девушки согласились.

Платон выбрал Алину, хохотавшую почти над всем, что он говорил, и забирающую всеобщее внимание на себя.

Тальберг шел возле Лизки, обмениваясь с ней обрывками фраз. Она не отличалась общительностью, и он втрескался в нее скоропостижно и бесповоротно. Красота Алины казалась пластмассовой и вычурной, а Лизка выглядела просто и естественно – имелось в ней что-то, отчего подмывало схватить ее в охапку и унести в пещеру для защиты от диких животных.

В кафе просидели полтора часа. Тальберг поедал глазами Лизку, сидевшую напротив. Его манили ямочки на щеках, проявляющиеся, когда она улыбалась. Ему нравилась фигура, аккуратная девичья грудь, он восхищался длинными светлыми волосами, собранными в тугий узел. Но Лизка, к досаде Тальберга, смотрела не на него, а на Алину и Платона, рассказывавшего анекдоты и отчаянно отпускавшего шуточки в попытках произвести впечатление. В конце дня обменялись телефонами и расстались. Тальберг выяснил, что Лизка местная и учится в педагогическом.

Прошло пять или шесть недель, на протяжении которых Тальберг пытался над курсовой работой, вспоминал о той прогулке, но не осмеливался позвонить по оставленному телефону. За это время они с Платоном пару раз выходили прогуляться, но ни Алину, ни Лизку не встречали, хотя Тальберг силился разглядеть ее фигурку.

Дальше случилось страшное. Когда Тальберг сидел дома поздно вечером и ломал мозг в попытках объяснить физический смысл кривой на графике, пришел Платон. Но не один.

– Смотри, кого я встретил, – он показал на улыбающуюся Лизку.

– Привет, – поздоровалась она, стоя на пороге комнаты, и тут же исчезла, увлеченная крепкой рукой Платона на кухню пить чай.

Тальберг почувствовал, как внутри упал кирпич, и эхо от падения отдало в череп неприятным звоном. «Опоздал, дурак», – подумал он.

Платон и Лизка проговорили на кухне до самого утра, пока он ворочался в комнате на кровати и безуспешно тщился заснуть, обзывая себя тупицей, дегенератом и неудачником.

Полгода он просиживал над учебниками, пытаясь полностью отрешиться от происходящего, не отрывая от книг слезящихся глаз и доводя себя до иступления. Платон перестал звать на прогулки, всерьез увлекшись Лизкой. Они проводили вместе дни напролет, не замечая Тальберга, являвшегося чем-то вроде мебели, по чистой случайности, занимающей пространство подле них.

Иногда Платон просил погулять часок, чтобы побыть наедине с Лизкой. Тальберг покорно гулял в одиночестве, с расстройства съедая по три мороженых за раз и сидя с кислым лицом на скамейке перед домом в ожидании, когда в окне их съемной квартиры загорится свет.

– Слушай, Дим, а давай ты заведешь себе девушку, и мы будем дружить парами, – как-то предложил Платон. Тальберг уклончиво ответил, что в этом семестре у него гора предметов и он не успевает с рефератами.

– Как хочешь, – беззаботно сказал Платон.

Раз в неделю Лизка оставалась ночевать. Утром она в длинной платоновой футболке приходила на кухню ставить чайник, и Тальбергу приходилось смотреть на нее, сходя с ума от невозможности обладать. От этих мыслей становилось стыдно, и он пытался прогнать прочь неприличные видения.

Иногда, когда Платон убегал по неотложным делам, Тальберг оставался наедине с Лизкой, и ему приходилось с ней общаться, изображая обычную дружескую беседу. Самое неприятное заключалось в том, что, они с Лизкой идеально подходили друг другу – читали одинаковые книги, смотрели те же фильмы, сходились в музыкальных пристрастиях.

Оставаясь в одиночестве, Тальберг от бессилия бил кулаком шкаф. Однажды не рассчитал силы, и дверца слетела с петель.

В октябре идиллия скоропостижно скончалась. Платон пришел злой, с порога швырнул ботинки в стену прихожей, и Тальберг вмиг догадался, что тому причиной Лизка.

– Сука! Ненавижу!

Платон рухнул плашмя на кровать, не раздеваясь.

– Что случилось? – не выдержал Тальберг.

– Залетела от какого-то хмыря, – коротко сказал Платон. – Ненавижу!

Он лежал и, чертыхаясь, смотрел в потолок, и Тальберг понял, что больше ничего от него не добьется.

Через окно увидел Лизку, сидевшую в слезах на скамейке у дома, и ощутил смешанное чувство, состоящее из разочарования и радости. Объявил, что идет за хлебом, и выбежал на улицу, торопясь, пока Лизка не сбежала.

Она сидела с мокрыми глазами и тихо всхлипывала, закутавшись в тонкий плащ. Он присел рядом, чувствуя неловкость от собственной смелости.

– Уйди, – она вытирала пальцами слезы.

– Не уйду, – он понял, что в самом деле не тронется с места, пока не выскажется.

– И так тошно. Не доставай еще и ты.

Он подсел ближе. Она отвернула лицо, пряча красные глаза. Ветер трепал выбившийся из-под резинки пучок волос.

– Ты мне нравишься, – сказал он. – Всегда нравилась. Честно-честно.

– Дурак, – она расплакалась вдвое сильнее. – И друг твой дурак.

– Ну и пусть, – согласился он.

– Ты ничего не знаешь... – начала она, но он не дал договорить:

– Знаю, Платон рассказал.

Он приобнял Лизку. Она слабо дернулась, пытаясь вырваться, но потом уткнулась в его грудь и разрыдалась. Он чувствовал, как под рукой дрожит ее спина.

На той же неделе подали заявление на регистрацию. В ноябре без всякой свадьбы расписались, не пригласив никого. Лизка не стала менять фамилию и оставила девичью – Барашкова. Тальберг не возражал.

Через семь месяцев родилась Ольга.

ГЛАВА III. Сладкий краенит

9.

Саня завел два будильника – он где-то слышал, что так легче просыпаться. Сначала звонит первый, ты смотришь на часы и радуешься дополнительному часу сна. На втором нужно обязательно вставать. Жаль, не нашлось третьего, но тут надо меру знать, потому что несложно перепутать последний будильник с предпоследним.

Он решил полежать в полудреме с закрытыми глазами. Важно соблюдать осторожность, иначе легко утратить чувство времени и снова заснуть. Случалось и такое.

Бабушка уже проснулась и тарыхтела посудой на кухне, будто вовсе не ложилась. По ночам ей не спится, кости ноют, поэтому она бродит по квартире и ищет себе занятие. Слышит она плоховато, и ей кажется, что она жарит котлеты тихо. Но это далеко от правды, и Саня часто просыпался от шума без всяких будильников. Часам к девяти утра кости успокаиваются, и она дремлет в одиночестве.

Когда бабушка суетится по хозяйству, спать совсем не хочется. Пока что-то делают по дому, не покидает мысль, что кошунственно отсыпаться, в то время как кто-то трудится. Саня понял, что лежит без удовольствия, и выполз из кровати. До зажигания солнца оставалось двадцать минут.

– Проснулся? – в комнату зашла бабушка. – Не разбудила?

– Нормально, – отмахнулся он, – все равно пора вставать.

Наскоро умылся, символически окропив лицо из таза с запасом воды на случай очередного отключения и вытерся полотенцем.

В кресле-кровати спала Лера, спрятав кулачки под подушку и укрывшись с головой. Саня рывком смахнул одеяло.

– М-м-м, – недовольно промычала она, пытаясь вернуть одеяло на место, но он не сдавался.

– Просыпайся.

– Не хочу, – пробубнила Лера, не открывая глаз. – Спать хочу.

– А садик?

– Дома останусь. С бабушкой.

– Не останешься, у бабушки и без тебя дел хватает. Пойдем, из-за тебя на работу опоздаю, – он прибегнул к самому вескому аргументу.

– Ты тоже можешь не ходить, – разрешила она. – Вместе дома останемся.

– Ну уж нет!

Он перекинул Леру через плечо и потащил на горшок. Она для виду посопровтивлялась, но рефлекс сработал – зажурчало.

– Умываться, – скомандовал Саня.

Она с недовольным видом прошагала в ванную, словно делала большое одолжение, за которое полагается компенсация в одно мороженое и две больших конфеты. Донесся плеск, потом последовала тишина – Лера с закрытыми глазами тщательно вытирала полотенцем сухое лицо, которое забыла помыть. Пришлось умывать ее повторно, несмотря на яростные возмущения.

Далее перешли к самому сложному – переодеванию. Лера воевала с горой из колготок и трусов, но упорно проигрывала битву, засыпая через секунду после очередного крика «Лера! Не спать!»

В конце концов, Саня увидел, что, если дело пойдет и дальше в том же темпе, он без шуток опоздает на работу. Он взял ситуацию под личный контроль, и вскоре Лера напоминала многослойную капусту.

– Неудобно. У меня щиплет и колет.

– Где?

– Везде.

– Так не бывает, чтобы везде и щипало, и кололо, – возразил Саня. – Иди обуваться.

– Есть хочу.

– В садике поешь.

– Не хочу в садике. Сейчас хочу, – заупиралась она.

Он нашел полузасохший кусок хлеба. Она схватила варежкой, откусила два раза и недовольно скривилась.

– Не хочу. Хочу зайца.

Саня бросился искать игрушку, без которой Лера из дому не выходила. Заяц нашелся за спинкой кровати.

Пока Лера в полной боевой готовности сидела в коридоре на стуле, Саня впопыхах оделся сам. Наконец, вышли на улицу. Солнце зажглось и ярко отражалось от свежевывающего снега. Лера прищурилась.

– У меня глаза болят от солнца, – сказала она, застряв на пороге.

– Тогда закрой их, а я тебя поведу, – предложил Саня. – Я вместо тебя смотреть буду.

– Не хочу, чтобы ты вместо меня смотрел, я же так ничего не увижу.

– Ты определись как-нибудь.

Лера обреченно шагнула в сугроб. Они вышли на дорогу и побрели к детскому садiku по наезженной автомобилями колее. За ночь выпал снег и засыпал натоптанные тропинки. Хотя по календарю зима закончилась, она не сдавалась. Самое неприятное, что снег растает, а у Сани толком и обуви подходящей нет, чтобы ходить по воде, не промочив ног. Подошвы по сто раз клеенные-переклеенные. У Леры хотя бы ярко-желтые резиновые сапоги есть. Она их обожает – ее хлебом не корми, дай по лужам поскакать.

– Сколько надо ходить в садик до выходного? – спросила она.

– Пять дней. Вместе с сегодняшним.

– Так долго, – опять вздохнула она. – Я думала, меньше.

– Сегодня понедельник! Выходной вчера был!

– Теперь всегда так будет? – расстроилась Лера. – Пять дней подряд в садик ходить?!

– Да, до пенсии,

– Тогда хочу на пенсию.

– Туда таких маленьких не берут. И тех, кто букву эр не выговаривает, тоже.

Лера обиделась, надулась и до самого садика шла, не проронив ни звука. Наконец, перестала дуться и спросила:

– Ты меня вечером заберешь?

– Буду на работе допоздна, не успею. За тобой бабушка придет.

– Не хочу, – надулась она по второму кругу.

– Лера! Хоть немножко помолчи, пожалуйста!

Она обиделась окончательно и молчала до самой детсадовской калитки.

– Папа с мамой насовсем умерли? – спросила она, когда Саня снимал с нее сапоги.

– Да, – сказал он, не поднимая глаз, – насовсем.

– Жалко, я им такую красивую открытку на новый год нарисовала.

Он промолчал.

Отец всю сознательную жизнь мечтал купить автомобиль и копил на него годами, откладывая с каждой получки. Машины еще не существовало, но он ежеквартально покупал жур-

нал «Автолюбитель» и читал вечерами, представляя, что когда-то советы из рубрики «Письма наших читателей» станут актуальными и для него. Отец записался на водительские курсы, сдал экзамены и получил права, чтобы быть полностью подготовленным к появлению в их жизни автомобиля.

Настал тот час, когда накоплений хватало на машину, но поехать за ней решили в областной центр – выбор шире и цены ниже. Рассчитывали туда добраться на автобусе, а назад пригнать транспорт своим ходом.

На сотом километре после выезда из центра на свежеприобретенном автомобиле отец не справился с управлением при повышенной туманности, и они с матерью на всей скорости врезались в грузовик-длинномер. Смерть наступила до приезда «скорой».

– Забери меня вечером, – снова заканючила Лера, пока Саня последовательно снимал с нее верхние слои одежды и развешивал на крючках в шкафчике с табличкой «Адуева Лера».

– Не могу обещать, работы невпроворот.

– Без работы никак?

– Никак. Нужно деньги зарабатывать, чтобы еду покупать, обувь, куклы...

Последний аргумент ее убедил. Она поцеловала Саню в щеку и нахмурилась.

– От тебя опять дымом пахнет!

– Со следующей недели брошу курить, – пообещал он.

Лера усккала в группу, таща за уши игрушечного зайца.

10.

За два дня согласовали состав группы по увеличению добычи краенита и оформили приказ по НИИ. По графику новобранцы к работе приступали со следующей недели. Самойлов обрадовался, что его людей не тронули, и на радостях делился первыми результатами исследований по краениту.

– Интересная штука, – говорил он, сидя в тесном кабинете Тальберга с кружкой дешевого чая, предназначенного исключительно для гостей. – Когда мы раньше исследовали Край на месте, ничего не получалось. Брели кислоты, щелочи, растворители, обрабатывали – все впустую! Однажды появились пузыри, мы обрадовались, думали, реакция пошла, приготовились шампанское распивать и друг другу премии выписывать...

Самойлов сделал глоток и скривился. По поводу чая ничего не сказал, но больше к нему не притронулся.

– Место реакции очистили, но изменений не выявили. Такая же гладкая и чистая поверхность. Вообще стерильно, под микроскопом смотрели. Получается, реакции не было.

– Постой, – спохватился Тальберг, озаренный внезапной мыслью. – Когда мы краенит вырезаем, стена через час полностью восстанавливается. Но мы изрядные куски режем, поэтому восстановление идет дольше, а у вас повреждения пустяковые – пока вы Край очищали, он уже регенерировал.

– Точно! – Самойлов отодвинул от себя кружку. – Дима, ты гений! Нужно в записях поискать, чем в тот раз обрабатывали.

– Подозреваю, когда краенит отделяется от Края, у него пропадает восстановительная способность, – предположил Тальберг.

– Знаешь, – задумался Самойлов, – с теоретической точки зрения, это замечательно и позволит разобраться с химическими свойствами краенита. Но с практической стороны, ухудшается применимость материала из-за большей уязвимости.

Тальбергу неожиданно захотелось, чтобы эксперименты провалились, а материал признали непригодным для оборонки по причине ненадежности и напрочь забросили. Ревность?

Раньше он считал краенит персональной гордостью, чем-то родным, на что прочие смотрели с опаской, а теперь самойловы топят его в своих пробирках с кислотами и щелочами.

– Засиделся я у тебя, – Самойлову не терпелось вернуться в лабораторию и возобновить эксперименты.

– Мне тоже работать надо. Кольцов поставил задачу – увеличить глубину реза. Второй день сижу, не знаю, с какого конца браться.

– Слушай, – Самойлов остановился с поднятым пальцем. – У Харламова в оптической лаборатории прошлой весной представили безлинзовый концентратор на электромагнитных полях. Думаю, через Кольцова легко заполучишь, тем более, у них их несколько.

Тальберг понял, идея хорошая и может сработать.

– А чай у тебя паршивый, – напоследок бросил Самойлов. – Я зеленый люблю.

Тальберг не стал откладывать в долгий ящик и тут же позвонил Кольцову, который, видимо, прямо в эту минуту обедал дома. Он часто ездил в обеденный перерыв домой.

– Чего тебе? – спросил жующий голос в трубке. – До конца обеда подождать не мог?

– Мог, наверное. Попозже перезвоню.

– Ладно, уже испортил аппетит. Валяй, что у тебя стряслось, – смилостивился Кольцов.

Тальберг рассказал про оптический концентратор. Директор пообещал поспособствовать.

Через полчаса пришел угрюмый Харламов, без единого слова сунул маленький, но поразительно тяжелый картонный коробок и даже не заставил нигде расписаться. Тальберг прочитал выписанные на боку синей ручкой цифры диапазона энергий с коэффициентами концентраций и остался доволен.

Оптический концентратор представлял собой маленький пластиковый цилиндр с боковыми креплениями, через которые выходили провода питания и регулировки. Инструкций Харламов не оставил, а при воспоминании его недовольного лица желание что-либо у него спрашивать пропадало начисто.

Тальберг перебрал пальцами контакты, пытаясь догадаться об их предназначении. Главное, не подать питание вместо регулирующего напряжения – электроника сгорит безвозвратно. К счастью, на клеммах стояли отметки с указанием вольтажа, и задача показалась посильной.

Вернулся с обеда Саня и сразу же потянулся к коробку:

– Что это?

– Безлинзовый оптический концентратор на электромагнитных полях.

– Харламовский? – спросил Саня к досаде Тальберга, в очередной раз убедившегося в своей хронической неосведомленности касательно происходящего в институте.

– Харламовский.

– Сам отдал? – удивился Саня.

– Через Кольцова. Мы же нынче в приоритете.

Идея использования концентратора была одновременно гениальна и проста. Он позволял без увеличения энергетических затрат сделать луч установки тоньше, при этом площадь пятна уменьшалась, и снижались потери на единицу глубины реза. Чтобы добиться двукратного прироста по глубине, нужно было уменьшить диаметр луча всего в полтора раза. На установке стояла сходная система, сделанная Тальбергом самостоятельно, но получить луч тоньше полутора миллиметра он не смог, сколько не бился, а с харламовским концентратором появлялась надежда на резкий скачок производительности без дополнительных исследований и разработок.

– Сможешь подключить?

Саня покрутил провода:

– Элементарно. Блок питания стандартный, регулятор найдем, на крайний случай, откуда-нибудь открутим.

– Подключай, а я пойду покурю. У тебя сигаретка есть?

– Вы же не курите!

– Захотелось, – признался Тальберг. – Последний раз в десятом классе было. Нас тогда еще географичка гоняла.

Он вышел в коридор и вспомнил, что курить полагается у форточки в туалете. Под потолком шумела система вентиляции, образующая единую сеть по всему институту, но подвели ее только к вытяжным шкафам, каковых в лаборатории Тальберга насчитывалось два, ни один из которых не включался за ненадобностью.

Он не захотел идти в туалет и решил пока воздержаться от перекура, поэтому спрятал взятую у Сани сигарету в нагрудный карман и, убрав руки за спину, пошел прогулочным шагом к окну в конце коридора, по пути представляя, как завтра огорошит Кольцова досрочным выполнением задания.

– Дмитрий Борисович!

Тальберг вздрогнул.

Рядом стоял стеклодув Михалыч с небольшой сумкой. Он давно мог отдыхать на пенсии, но продолжал ходить на работу, удовлетворяясь символической оплатой. Из-за низкого, почти карликового роста он глядел на всех снизу вверх, щурясь на правый глаз, в то время как левый сильно косил, и Тальберг затруднялся определить, куда Михалыч смотрит.

По институту ходили шутки, что стеклодуву однажды открылась великая тайна Края, и с тех пор у него шарики не совпадают с роликами. Шутки-шутками, но странностей у Михалыча хватало. Порой никто не понимал, что он говорит, а изъяснялся он исключительно короткими репликами из двух или трех слов. Иногда он останавливался посреди улицы и мог простоять час, размахивая руками и мешая прохожим. Порой одиноко бродил по коридорам института и рисовал мелом черточки у каждой двери, а у некоторых – даже две. Тальберг испытывал неловкость при общении с ним, старался ограничиться приветствием и проскочить мимо. Он, грешным делом, подозревал, что стеклодув надыхался ядовитыми испарениями, выдувая очередную реторту. Самойлов однажды назвал Михалыча безумным стекольщиком. Технически это было неверно, но прижилось в институте.

А еще Тальберг знал, что Михалыч в свободное от работы время делает наливки и настойки, пользующиеся известной популярностью как среди рядовых сотрудников, так и руководства НИИ, и лично видал у Кольцова в минибаре пластиковую бутылку с надписью фломастером «Мих.» и пририсованными пятью звездочками для юмора. В бутылке отсутствовала треть.

Тальберг пить не любил и к спиртному испытывал полное равнодушие, разве что на праздники выпивал бокал белого вина, не оказывавшего при его весе никакого эффекта. Кроме того, настойки Михалыча отличались яркой цветовой палитрой, включающей странные неаппетитные цвета – зеленый, синий или желтый. Возможно, причина крылась в дальтонизме стеклодува, но оставалось загадкой, как он на практике добивается таких расцветок. Состав держался в секрете.

– Заказ принес, – Михалыч потряс звенящей сумкой. Надо признать, работу он выполнял качественно.

Тальберг вспомнил, что две недели назад и впрямь размещал небольшой заказик на реторты, желая поэкспериментировать с краенитом. Когда материалом занялся Самойлов и шансы обнаружить что-то самостоятельно раньше химиков упали до нуля, экспериментаторский зуд пропал на корню.

Он потянулся за сумкой.

– Расписаться, – потребовал Михалыч.

Тальберг с трудом отыскал в кармане ручку и поставил роспись в накладной. Михалыч отдал склянки, скалясь редкими зубами:

– Белые уши! – и изобразил двумя скрюченными пальцами зайца.

Тальберг вернулся в лабораторию и швырнул на полку сумку, отозвавшуюся обиженным звоном. Саня сидел у паяльной станции и сажал на плату резисторный регулятор, тыча паяльником в оранжевую канифоль.

– Через полчаса будет готово, – объявил он, не оглядываясь.

Подходящего блока питания не нашлось, и пришлось перепаивать старый, поэтому подготовка концентратора заняла несколько больше времени, чем предполагалось изначально.

Наконец, худо-бедно закрепили чудо-агрегат на временном штативе. Защитный кожух сняли, иначе новый блок не влезал. Так как установка и концентратор стояли независимо, нельзя было передвигать луч с помощью маховиков.

– Проверим принципиальную работоспособность, с красотой и функциональностью разберемся позже, – решил Тальберг.

Саня достал из холодильника пригоршню кусочков поглощающего тепло краенита, из-за которого даже выключенный холодильник продолжал холодить.

Тальберг выбрал кусочек поменьше, в полсантиметра толщиной и закрепил на траектории луча.

– Сначала протестируем, работает ли оно.

Тальберг включил установку в штатном режиме. В краените появилось отверстие, через которое проглядывала стена напротив.

– Замечательно! Момент истины.

Саня перекрепил тестовый образец повыше. Тальберг подал питание на оптический концентратор. На корпусе загорелся зеленый индикатор, но ни звуков, ни вибрации, подсказывающих, что эта штукавина включилась, не последовало.

Не происходило ровным счетом ничего.

– Регулятор, – подсказал Саня.

– Точно!

Тальберг покрутил ручку. Сначала медленно, затем быстрее. Дошел до крайнего положения, соответствующего максимальному уровню концентрации. Тишина и спокойствие. Повращал в обе стороны на случай, если что-то заело.

Кусочек краенита, зажаты в штативе, не реагировал на манипуляции.

– Сломалось? – предположил Саня.

Тальберг решил проверить, работает ли установка в принципе. Взял кусок газеты, в которой Лизка завернула завтрак, и поднес к краениту. Бумага ярко вспыхнула и мгновенно сгорела. Он едва успел убрать руку, чтобы не обжечься.

Помещение наполнил запах гари. Саня пошел открывать форточку.

– Ничего не понимаю, – почесал затылок Тальберг.

Установка гудела, концентратор подмигивал зеленым диодом, но с краенитом решительно ничего не происходило.

– Хороший был план, – расстроился Саня.

– М-да... – огорченный Тальберг выключил оборудование.

Остаток дня он просидел, раскачиваясь и силясь отгадать, почему это чудо инженерной мысли отказалось работать. Хотел навеститься к Харламову, но вспомнил, с каким мрачным видом тот передавал концентратор, и передумал.

– Я пошел! – прокричал Саня из лаборатории. – Уже опаздываю!

– До завтра. Я еще посижу.

Хлопнула дверь.

Тальберг продолжил сидеть, уставившись в стену. Ничего не придумав, он обратился к схемам и справочникам. От безысходности откопал в куче хлама пыльную презентационную брошюру по оптическим концентраторам и тоже полистал, но ожидаемо ничего полезного не

нашел – не для того брошюрки пишутся. Погасло солнце, Тальберг включил свет и продолжил медитировать, уставившись невидящим взором на прошлогодний календарь.

В задумчивости схватил кружку с чаем, оставшимся от Самойлова, и машинально сделал глоток.

– Тьфу! Гадость какая!

Пошел к умывальнику, вылил чай в раковину и принялся мыть кружку. В результате ремонта на кране перепутались цвета на вентилях, поэтому Тальберг регулярно промахивался и включал холодную воду вместо горячей. В этот раз произошло то же самое. Он повернул красный водопроводный кран, но вода пошла ледяная.

Он не выдержал, взял отвертку и переставил вентили.

– Давно мог сделать, – подумал он и замер от пришедшей мысли. – А что если...

Забывтая чашка осталась возле умывальника. Он поменял местами полярность на питании оптического концентратора.

– Попробуем снова. Если и сейчас не получится, не знаю, что и делать.

Установка заработала. На краените появилось маленькое отверстие, куда меньшего диаметра, чем первое, полученное в штатном режиме.

– Ай да Тальберг, ай да сукин сын!

Настроение резко улучшилось. Хотелось петь и танцевать, но ни со слухом и ни с хореографией не ладилось, поэтому он ограничился пятикратным повторением «Ай да сукин сын!», выключил установку и вынул из штатива кусок краенита с двумя отверстиями.

Итак, они перепутали полярность питания и вместо фокусирования луча концентратор... рассеивал? Но куда-то же энергия шла, какое-то воздействие осуществлялось. Тогда почему они ничего не заметили?

Он покрутил краенит, присмотрелся повнимательнее. Внешний вид не изменился, но на ощупь ощущения отличались. Не с первой попытки понял, но через мгновение дошло: кусок стал теплым и шершавым.

– Интересно...

У Тальберга появилась гипотеза. Он бросил опытный образец на кусок доски, лежавший на лабораторном верстаке, взял гвоздь и одним ударом молотка загнал в краенит по самую шляпку. Вот и ответ: в результате облучения по большой площади краенит потерял прочность по всему объему.

Плоскогубцами выдернул гвоздь. Отверстий стало три, и расположились они в ряд с шагом в сантиметр.

Ему пришла безумная мысль. Если с помощью облучения они лишили краенит экзотических свойств, значит можно... Тальберг не сдержался и лизнул кусок, воображая, как забавно, должно быть, он выглядит со стороны.

Вкус оказался сладковатым без специфических оттенков, будто несладкий сахар. Он прислушался к внутренним ощущениям, но ничего нового или необычного не почувствовал.

– На сегодня хватит, – он бросил краенит в кучку к остальным кускам, надеясь, что тот не ядовит.

Повесил халат в шкаф, натянул куртку, проверил, выключены ли электроприборы. На секунду замешкался, нащупывая по карманам ключи, погасил свет и прикрыл дверь, но запереть на замок не успел, краем глаза заметив, как в лаборатории мелькнул синий огонек.

На верстаке лежал образец, который они мучили половину дня, и светился мягким голубым светом. Он взял его, поднес к глазам, чтобы рассмотреть получше, но свечение тут же пропало. Положил на место, свечение вернулось. Снова взял, снова погасло.

Кажется, очередная загадка.

Тальберг почувствовал, что с него достаточно тайн и вопросов. Он прицепил краенит за одно из отверстий на связку ключей и ушел домой.

11.

Конь и Саня дружили с пятого класса. Сейчас виделись не в пример реже, но время от времени собирались, чтобы культурно отметить важное событие.

И такое событие настало – Виталик Конев пригласил на день рождения. Договорились встретиться в семь вечера возле маленького круглосуточного магазинчика на углу. Саня пришел первым и стоял у входа, переживая, чтобы не опоздали Лева и Митька Однорогов с общим подарком, купленным вскладчину.

Волновался зря, собрались быстро. Вскоре и Конь подкатил с подругой – Леськой Зайцевой, не выходявшей из дому без маленького черного рюкзака с черепом на цепочке. Саня сперва постоянно пялился на огромные «тоннели» в ее ушах, магнитом притягивавшие взгляд, а потом привык и перестал замечать.

Конь пришел в ослепительно белых кроссовках, выделявшихся на контрасте с остальной одеждой в черных тонах, за исключением яркого светлого шарфа.

– Леськин подарок, – пояснил Виталик, – она говорит, шарф должен под туфли подходить.

Надо признать, ему чрезвычайно шло. Саня немного позавидовал, но кроссовки никогда бы носить не стал – в них сильно потели ноги.

Зашли в магазин и разбрелись вдоль полок в раздумьях, что бы такое прикупить. Лева взял вафельный торт.

– Фигня, – сказал Митька Однорогов. – Большая конфета.

– Сам ты фигня, – обиделся Лева. – Зато держать удобно без всяких тарелок.

Купили небольшой бисквитный торт с шоколадной глазурью и вишнями. Сладкого никто не хотел, но день рождения без торта – моветон. Саня на полке с мелочевкой нашел маленькую праздничную свечу.

Митька схватил коньяк.

– Дорого, – поморщился Лева, – и гадость редкостная.

– Сам ты гадость, – обиделся Митька Однорогов.

В конце концов, Конь выбрал две бутылки сладкого десертного вина:

– Вы знаете, как оно хорошо идет в прохладную погоду? Лучше любого коньяка!

Возражать не стали, хотя Саня вино не любил, особенно сухое. От него случалась изжога.

Напоследок на кассе захватили комплект бумажных тарелок с пластиковыми ложками и пачку одноразовых стаканчиков. На выходе из магазина долго стояли и чесали затылки, куда бы пойти, чтобы употребить. В разгар раздумий Саня вспомнил:

– А подарок?

Лева раскрыл пакет, Митька Однорогов вынул из него новенький мяч, перевязанный золотистой лентой с бантиком, и пластиковый сувенирный кубок «Лучшему другу» и протянул Коню.

– Поздравляем от нас всех!

При выборе подарка руководствовались тем, что Конев с детства играл в футбол, пропуская уроки, и с трудом закончил школу, не интересуясь ничем, кроме физкультуры. Он числился в местной команде, но хвастал летним переводом в высшую лигу – якобы дядя, живущий в столице, обещал замолвить слово. Саня к футболу относился с равнодушием и не понимал, в чем интерес наблюдать, как потные мужики за аномально большие деньги бегают с шариком по полю.

По этому поводу он разработал теорию, а точнее две. Во-первых, спорт замечательно заменял гладиаторские бои – суть та же, но гуманнее, трупов меньше. А во-вторых, когда человек ничего не добился и похвалиться ему в жизни нечем, он начинает гордиться чужими

достижениями – например, победой футбольной сборной своей страны, культурой, историей, в общем, всем тем, в чем нет ни капли его заслуги. Есть, конечно, очень небольшое количество людей, интересующихся непосредственно футболом, а не шумом вокруг него.

Конь под единогласное одобрение предложил пойти в парк и, пока они брели по улице, подкалывая друг друга шуточками, погасло солнце и включились фонари. Едва вечером темнело, как становилось холодно, поэтому в пустынном парке из живых существ были лишь коты и собаки. Изредка кто-то проходил по центральной аллее, сокращая путь.

Выбрали скамейку на одном из «аппендиксов», чтобы никто не потревожил. Рядом стоял одинокий фонарь и создавал необходимый праздничный настрой, который только может быть ночью в пустом весеннем парке. Составлявшие сидение доски отсутствовали, и Конь уселся на спинку скамейки.

Саня зажег свечку и воткнул в торт. Виталик, не вставая, загадал желание и задул огонек под нестройное хоровое пение.

– Кто разрежет? – спросил Саня.

Вызвалась Олеся, и тут они вспомнили, что нет ножа.

– Пластиковой вилкой, – предложил Митька Однорогов.

– Фигня, – возразил Лева. – Ложкой на порядок удобнее.

Манипулируя гнущимися вилкой и ложкой, разделили многострадальный торт на части, при этом кусок, доставшийся Коню, оказался раза в два больше остальных.

– Потому что Конь – именинник? – поинтересовался Лева.

– Это потому, что я торт не ем, – пояснила Олеся.

– Фигуру блюдешь?

– Не твое левячье дело.

Разложили бисквит по тарелкам и приступили к праздничной трапезе. Бумажная посуда гнулась на весу, чем сильно усложняла задачу. У Митьки Однорогова половина куска упала на землю, и он по этому поводу расстроился, потому что вымазал кремом парадные штаны, надеваемые только по особым случаям. Саня не сомневался, что Однорогов будет жениться в этих же штанах. Хотя с такой фамилией, наверное, лучше вообще не жениться.

Открыли бутылку и стали пить из горла, включая Олеся. Одноразовые стаканы не пригодились, только зря покупали. Конь не соврал – в холодную погоду десертное вино идет хорошо.

– Тут где-то качели есть, – вспомнила Олеся, распивавшая наравне со всеми, но не закусывавшая. Ей стало веселее всех, и она полезла через кусты искать в темноте качели.

– Не заблудись, – бросил Конь ей вслед. – Если нападет маньяк, кричи.

С того края, куда ушла Леська, раздался ритмичный скрип.

– Нашла, – удовлетворенно отметил Конь и открыл вторую бутылку.

Саня слизывал крем, пил вино и ничего не говорил. Он и без разговоров получал удовольствие, несмотря на соскальзывающий с тарелки торт и замерзающие ноги.

– Давайте куда-нибудь рванем! – предложил Лева.

– Спать? – съехидничал Митька Однорогов.

«Кстати, подумал Саня, а почему мы Митьку всегда по имени-фамилии называем?»

– Да, нет, – скривился Лева. – Вы не поняли. Я имел в виду взять летом отпуск, собраться и рвануть куда подальше...

– На природу?

– Мелко. В другую страну.

Саня подумал, что с его зарплатой только по другим странам и ездить. Да и кто будет с сестрой сидеть и за бабушкой присматривать? Конечно, Лера на путешествие согласилась бы с радостью – она на поезде любит кататься и по зоопаркам с удовольствием походила бы.

Вторая бутылка подбиралась к середине. Когда в затылке зашумело и разогрелась кровь, Лева вытащил из сумки мяч, развязал бантик и предложил:

– Обновим?

Конь отказался, он на тренировке набегался. Саня тоже не захотел играть. На скамейке сиделось так уютно, что не хватало сил и воли пошевелиться. Не хотелось портить момент.

Лева с Митькой Однороговым, распасовывая новый мяч, побежали трусцой на центральную аллею.

– Слышь, – Саня боролся с неловкостью. – Не займешь до получки? Финансы поют романсы. На работе обещали премию дать и зарплату повысить, но когда это будет. Верну обязательно, ты же знаешь.

Конь сделал большой глоток из бутылки.

– Не, не могу. У нас с Леськой на следующей неделе год, как встречаемся, я ей на подарок собираю.

– Понятно, – расстроился Саня, жалея, что затеял этот разговор.

Еще полбутылки выпили молча, слушая скрип качелей. «Не стошнит ее, столько качаться», – подумал Саня.

– Есть предложение, как поправить финансовое положение, – неожиданно сказал Конь. – По новостям треплются, что вы какой-то краенит делаете.

– Да. Но не делаем, а из Края вырезаем.

– Пофигу, – отмахнулся Конь. – Если бы ты достал немного этого краенита, я бы помог толкнуть. Я нужных людей знаю, они за такую штуку неплохо заплатят, им много не надо.

– Вряд ли мне его дадут, – усомнился Саня.

– Не проси. Так возьми.

Украсть краенит? Саня задумался. С одной стороны, на исчезновение маленького кусочка внимания, скорее всего, не обратят. От института не убудет, а Тальберг, если и заметит пропажу, не сдаст, хотя и очень рассердится, так что риски минимальны. Но воровать не хотелось, он потом будет себя пилить и мучиться угрызением совести. Да и непонятно, куда эти куски уйдут и где всплывут. Если Кольцов узнает, что объект исследования непостижимым образом оказался за пределами института, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы вычислить, кто вынес добро из НИИ, нарушив режим секретности. И по головке не погладят.

– Зачем кому-то нужен краенит? – спросил Саня. – С ним же ничего сделать нельзя.

– Зачем кому-то нужно золото? – ответил Конь вопросом на вопрос. – Штука бесполезная, но при этом страшно дорогая. Я Леське цепочку хочу купить, ты бы видел ценник! Сам в шоке.

Саня не успел даже ничего подумать, как увидел, что к ним бегут Лева с Митькой Однороговым.

– Смагываемся! – прокричали они на ходу, хватая на лету сумки.

Конь без лишних вопросов вскочил и побежал в заросли, держа недопитую бутылку. Саня, чуть замешкавшись, ринулся за ними, едва не споткнувшись о скамейку.

В паре десятков метров за кустами, переползая через которые Саня заработал болезненную царапину, находилась детская площадка с качелями, на одной из которых беззаботно катались Олеся.

– Бегом, – Конь схватил ее за запястье и потянул за собой. – Вопросы потом.

Леся ничуть не удивилась и полетела за Конем, развеиваясь позади, словно летучий змей.

Бежали молча, не понимая, зачем и куда. После торта и вина бежалось плохо, и Саня боялся, что что-нибудь из съеденного или выпитого может высыпаться из него прямо на бегу. Наконец, Лева остановился, как вкопанный, и прохрипел, задыхаясь:

– Хватит, сдаюсь.

Остановились, стали в полукруг, чтобы отдышаться.

– Это что сейчас было? – спросил Конь, привыкший бегать на тренировках и поэтому почти не сбивший дыхания.

Выяснилось, что Лева и Митька Однорогов гоняли мяч по пустой аллее, а в это время через парк шел какой-то мужик. Лева не заметил и подал мяч со всей дури, но так как ноги у него росли из задницы не только в прямом, но и в переносном смысле, попал мячом прохожему аккуратно в лицо.

– А он что?

– Он закричал, мы убежали.

– А мяч где? – спросил Конь.

– В парке забыли, – виновато сказал Лева. – Ты бы слышал, как он кричал!

– Мяч кричал? – не понял Саня.

– Мужик, конечно. Как может мяч кричать?

Возвращаться не стали, утешились тем, что остался кубок – какой-никакой, а подарок. Страх прошел, и начали шутить, припоминая, кто как бежал, хотя подарок было безумно жалко. С расстройства допили вино из бутылки и разошлись по домам.

Когда Саня с закрывающимися глазами добрался домой, все спали. Тихо, чтобы не разбудить бабушку с Лерой, разделся в прихожей, сился аккуратно развешивать вещи на крючки. Он поминутно что-то задевал, как бывает, когда стараешься не шуметь и проявляешь излишнее усердие. Когда ставил на полку сапоги, заметил, что на Лериных ботинках почти оторвалась подошва, а напротив большого пальца образовалась дырка – нога окончательно выросла из старой обуви.

«Нужно новые покупать», подумал он. И занять, как назло, не получилось.

12.

Лизка, когда это зрелище увидела, была в шоке и долго не могла поверить, что такую радость можно заработать от удара мячом, прихваченным Тальбергом в качестве улики. Точнее, как доказательство произошедшего и компенсацию за испорченные внешний вид с настроением.

Так и предстал перед Лизкой – с расплывающимся глазом, держа под мышкой трофей и довольно улыбаясь, хотя буквально только что ему хотелось рвать и метать. Он разглядел в ситуации юмористическую сторону, и настроение немного улучшилось.

Лизка суетливо достала из морозилки кусок свинины в кульке и наказала приложить к глазу. Он покорно сидел, держа в одной руке новый мяч, а в другой – холодный мерзкий куль, приятно подмораживающий щеку.

– Это ж как так? – светился в глазах у Лизки немой вопрос.

Ну да, ему под сорок, научный работник, физик, уважаемый, можно сказать, человек. И вдруг с таким синяком.

Морщась от боли, он поведал, как решил привычно сократить дорогу через парк, как шел в задумчивости по главной аллее, как получил мячом и как виновники происшествия скрылись, с перепугу бросив орудие преступления на месте самого преступления.

– Дима, – выговаривала ему Лизка, – все у тебя не слава богу. Обязательно найдешь приключение на задницу. Любопытно, что для этого тебе и делать ничего не приходится.

Тальберг обиделся и заметил, что в этой ситуации он не виноват и такое могло произойти с каждым.

– Но с каждым-то не случилось, а только почему-то именно с тобой, – ответила Лизка.

Он промолчал. Он был всего лишь обычным человеком, не имеющим возможности противиться воле случая. Половина лица полностью потеряла чувствительность, а вместе с ней и левая рука, держащая куль.

– Покажи! – потребовала Лизка.

Он убрал мясо и повернулся к ней ушибленной стороной.

– Ну как? – спросил жалостливо, пытаясь представить, сколько за следующую неделю придется выслушать в институте плоских шуток с намеками, что надо меньше пить, хотя всем в НИИ известно, что он ведет трезвый образ жизни и никогда не выпивает, даже по праздникам.

– Плохо, – объявила Лизка.

– Очень? – распереживался Тальберг.

– К зеркалу лучше не подходи, чтобы не расстраиваться.

Она из жалости поцеловала в здоровую щеку, ласково провела ладонью по щетине и приказала приложить мясо снова, пока разогревается ужин.

Из комнаты пришла Ольга, чтобы попить воды. Увидела сидящего на табурете Тальберга с расплывшейся щекой и сняла наушники, впечатленная открывшимся видом.

– Пап, ты подрался?

– Хочешь мячик? – предложил он вместо ответа. – Новенький, только тряпочкой протереть. Жениху своему подаришь, он обрадуется.

Ольга с недоверием покосилась на пыльный шар.

– Да ну тебя, – отмахнулась она. – Нет у меня жениха.

– Угу, – буркнул он. – По вечерам с кем допоздна по дворам гуляешь?

– С подругами.

– Видал я издалека твою подругу на прошлой неделе. Особо не всматривался, но, кажется, она бреется.

Ольга смутилась, взяла брезгливо мяч двумя пальцами и ушла в ванную смывать пыль.

На следующий день Тальберг пришел в институт, прикрывая левую половину лица, на которой расплылся огромных размеров синяк – замороженное мясо не помогло. Чтобы никого не встретить по пути, вышел из дому на полчаса раньше и пошел пешком через злополучный парк. Приостановился на месте вчерашнего преступления, огляделся по сторонам, словно надеялся разглядеть, кто ему вчера засадил мячом. Ожидаемо, никого и ничего не заметил.

Саня, увидев лицо Тальберга, сначала сильно удивился, затем побледнел, а напоследок расхохотался.

– Посмейся еще, – обиделся Тальберг, укоризненно глядя уцелевшим глазом на весь спектр Саниных эмоций. – Заявление на выдачу премии отзову.

– Сейчас сосредоточусь, – Саня едва сдерживался. – Я обязательно смогу.

К счастью, он не стал расспрашивать, что это и откуда взялось.

Тальберг приступил к работе, но с заплывшим глазом почему-то не работало. Он ощущал себя пиратом, раненным в бою при неудачной попытке взять торговое судно на бордаж. Для полноты ощущений только костыля не хватало.

Рассказал Сане, как вычислил вчера причину их неудач с оптическим концентратором и каким простым оказалось решение проблемы. О голубом свечении говорить пока не стал, до конца не переварив поступающую информацию – не нравилось ему, когда новости сыпались непрерывным потоком. Он как привык работать по принципу «тише едешь – дальше будешь». В противном случае, новые сведения не успевали укладываться в аккуратные штабельки среди извилин.

– Чем сегодня занимаемся? – спросил Саня.

– Не знаю, – Тальбергу сейчас ничего не хотелось. – Порежь на части последний кусок краенита для Самойлова.

– С концентратором не могу, пока мы его на одну раму с установкой не смонтируем.

– Режь по старинке, – разрешил Тальберг и откинулся на стуле, как бы между прочим прикрыв ладонью проблемную сторону лица.

Он смотрел на Саню, разрезающего краенит на одинаковые сантиметровые кубики, чтобы Самойлову было удобнее макать их в пробирки. В месте реза луч разрушал межатомные связи и краенит превращался в пыль, тонкой, едва заметной струйкой падающую на предусмотрит-

тельно подложенную бумажку. С бумажки пыль пересыпалась в коробочку и тоже бралась под учет.

Зрелище завораживало неторопливостью, и Тальберг быстро впал в полугипнотическое состояние, обычно возникающее, когда наблюдаешь, как в чужих руках спорится дело. Саня уже приловчился к маховикам, и линия реза получалась идеальной.

Тальберг подумал, что для промышленного использования нужно автоматизировать процесс передвижения луча, чтобы только кнопки нажимать – «вкл.» и «выкл.» Тогда с установкой любой дурак справится.

Едва задремал, как на улице возник гам, будто кто-то под крики возмущенных граждан лез за деньгами вне очереди. Он проигнорировал мешающие звуки, но шум не прекращался и становился громче и назойливей. Не выдержал, пошел к ближайшему окну и убедился, что оно закрыто, хотя и нуждалось в замене разошедшей рамы, из-за которой зимой дуло сквозь щели.

Тальберг выглянул на улицу и увидел причину шума. Через дорогу от них стояли люди с плакатами, обращенными к институту. Со времен молодости зрение у Тальберга несколько упало, но он без труда прочитал надписи: «Прочь от Края грязные руки» и «Не лезьте к святому». Люди со злобными лицами вразной выкрикивали неразборчивые лозунги, по тону походившие на проклятия. Демонстрация явно предназначалась для института.

– Что за цирк?

– Ага, – подошел Саня, – добрались-таки.

Не успел Тальберг расспросить, кто «они» и куда добрались, как из приемной позвонила Наталья и сообщила, что вызывает Кольцов.

– Срочно, – повторила она таким тоном, что стало понятно – случилось что-то нехорошее.

Директор выглядел взъерошенным и от возбуждения яростно колотил чайной ложкой по кружке с кофе.

– Ты уже видел? – спросил он с порога.

– Это? – Тальберг показал на окно, откуда исходил шум, хотя и не такой громкий, как в лаборатории. Администрация позаботилась о себе и заменила деревянные рамы на пластиковые.

– Это! – Кольцов бросил ему газету.

Тальберг посмотрел на первую страницу – он никогда не покупал газет и старался их не читать для сохранности аппетита. Передовицу украшала фотография с официальной демонстрации установки. Он узнал свою спину, попавшую в кадр рядом с Кольцовым, толкающим речь с таким широко открытым ртом, что можно было пересчитать зубы.

– Неудачное фото, – согласился Тальберг. – Я вообще не поместился, одна только филейная часть виднеется.

– Да причем тут фотография? – скривился Кольцов. – Ты заголовки почитай.

Почитал. «Покушение на святое!», «Покарает их длань Господня» и «Грешники из НИИ».

– Не понимаю. Кто грешники?

– Ты, конечно, – сказал Кольцов. – Они не знают тебя по фамилии, потому что ее нигде не написали, зато везде есть мое лицо, – добавил он горестно.

Директор увидел непонимающее лицо Тальберга, догадался, что тот, как обычно, не в курсе событий, и пояснил, что краепоклонники и примкнувшие к ним индивидуумы возбудились от новостей о возможности порезать Край на куски и решили, что деятельность института по получению краенита нарушает структуру мироздания и является богохульной по природе, потому что «не человеком создано – не человеку разрушать». Образовалось целое общественное движение, требующее от НИИ «прекратить рушить опоры, на которых держится мир, пока их не настигла кара господня». Теперь со всей страны сюда съезжаются озабоченные высокоду-

ховные граждане, чтобы донести гражданскую позицию до руководства института и добиться сворачивания работ по Краю.

– Короче говоря, – заключил Кольцов, – ты своей установкой оскорбил чувства верующих. А ты знаешь, как они оскорбляются умеют, им только повод дай.

– И что делать? – спросил Тальберг, почесывая затылок. Ему и в воображении не привиделось бы, что дело обернется подобным образом.

– Радоваться, что на фотографии только твой зад попал.

– Мы столько лет над Краем издевались, и все молчали... Почему сейчас?

– Измывались, но поделаться ничего не могли, – пояснил Кольцов, – и это служило доказательством божественной природы Края, поэтому всех устраивало. А тут ты пришел и давай наглým образом на куски резать! Того и гляди, самого Бога ухватишь за бороду. Если у него борода есть, конечно.

– Может он бреется? – задумчиво предположил Тальберг.

Гадая, как дальше будет развиваться ситуация, робко спросил:

– Свернем исследования?

– Нет, – фыркнул Кольцов. – ПООБЕЩАЕМ свернуть исследования.

– А дальше?

– Потом будем работать, как работали, но делать вид, что не работаем, как работали, а работать по-другому, чтобы никто не догадался, – директор окончательно запутался. – В общем, соблюдаем режим секретности и не высываемся. Работу с массами организуем на нужном уровне. Я обо всем договорюсь.

– Работать, как работали, – обрадовался Тальберг.

Кольцов напоследок дал напутствие:

– Среди этих товарищей могут быть агрессивные. Кто знает, какие у них в башке тараканы резвятся. Прыгнет такой на тебя из-за угла с ножом – и мигом узнаешь, есть ли загробная жизнь или нет. Мне Безуглый охрану круглосуточную организовал, а тебя пока, вроде бы, никто не знает, поэтому просто будь осторожен.

Тальберг пообещал соблюдать осторожность, хотя слабо представлял, как именно это должно выглядеть – ходить и с подозрением озира́ться по сторонам?

– Синяк откуда? – не выдержал директор. – Не от этих?.. – он показал на окно.

– Нет, – успокоил Тальберг. – Бытовая травма, за диван ногой зацепился.

– Бывает, – согласился Кольцов. – Но ты постарайся обходить мебель аккуратней.

Остаток рабочего дня Тальберг провел в своем закутке – составил в ряд три стула и лег спать, предварительно проинструктиввав Саню не кантовать и при пожаре выносить первым.

– Приказ понял, – в шутку отдал честь Саня и отправился дальше нарезать краенит ломтиками. – Михалыч, кстати, приходил, – прокричал он из лаборатории.

– Чего хотел?

– Да какую-то склянку по ошибке вчера вам передал, забрать хотел.

– Пусть хоть все забирает.

Поворочавшись с полчаса, Тальберг заснул, но спалось плохо. Стулья давили в спину, хотя лег по науке – чтобы первый стык пришелся на шею, а второй – под поясницу.

Радости от сна не получилось. Снился Платон, стоящий на опустевшей улице через дорогу от института, где до этого краепоклонники водили возмущенные хороводы с плакатами. Он вызывающим взглядом смотрел в окно их лаборатории и поглаживал белого зайца, невозмутимо сидевшего у него на руках и не совершавшего попыток вырваться. Заяц водил дрожащей мордочкой, тыкался носом в рукав пиджака и шевелил ушами, интенсивно жуя травяную жвачку. Платон улыбался и недобро подмигивал Тальбергу.

Затем на пустой дороге появилась смеющаяся Лизка в зеленом дождевике. Она беззаботно пошла к Платону, пританцовывая на ходу и используя неизвестно откуда взявшийся зонт

вместо трости. «Стой, остановись! Не подходи к нему!» кричал Тальберг, но она не слышала и продолжала идти к довольному Платону.

– Я закончил! – громко отрапортовал Саня.

Тальберг проснулся и с облегчением выдохнул, мол, приснится же такая ерунда. От сна разболелись глаза, словно на них кто-то давил изнутри пальцами. «Не стоило дремать, только хуже стало», подумал он.

– Свободен! – разрешил он, и Саня исчез.

Тальберг, прихрамывая, доковылял до стола, где в коробке стройными рядами лежали маленькие кубики краенита, словно куски экзотического черного сахара-рафинада. На их прохладной поверхности прозрачными капельками оседал конденсат из воздуха.

– Все-таки молодец Саня, – сказал Тальберг и аккуратно переставил коробок в шкаф на полку к банке, в которой хранилась вся пыль.

«Краенита маловато, вроде бы больше казалось», подумал он, но отвлекся, задумавшись о нехорошей тенденции: заяц, Платон, краепоклонники, мяч в харю... А дальше что? Кирпичом по затылку?

13.

Тальберг вспомнил об обещании Шмидту и решил провести его резиденцию. Он питал слабость к беседам с Карлом и время от времени заглядывал к нему «на огонек».

Герпетологическая лаборатория располагалась в правом крыле здания, куда случайно не забредешь – проход осуществлялся по отдельному коридору через второй этаж, после чего следовало спуститься в подвал и пару минут попетлять по мелким коридорчикам, которые Тальберг иначе как «катакомбы» не называл.

– Добрый день, Димитрий! – обрадовался Шмидт, оторвался от писанины и снял очки в круглой оправе. Он вел записи в толстых тетрадях чернильной ручкой и сетовал, что культура каллиграфии в современном мире утрачена, между тем как выведение чернилами завитушек оказывает плодотворное успокаивающее действие. Каждую тетрадь он пронумеровал и подписал «Karl Petterson Schmidt».

Тальберг рассматривал привычки Шмидта как милые и безвредные чудачества, но созерцание появляющихся маленьких крючковатых заграничных буковок действительно умиротворяло.

– Я заниматься сбор яда. Чрезвычайно интересный процесс.

Шмидт выучил язык достаточно хорошо и без проблем изъяснялся на любую тему. Произношение ему не давалось, но он не стремился совершенствовать языковые познания, полагая напрасной тратой времени, идущей в ущерб полезной работе.

Тальберг с ходу лег на кушетку, будто пришел на сеанс к психотерапевту. Чего греха таить, так оно и было. Ему нравилось лежать и беседовать со Шмидтом, сохранявшим непробиваемое спокойствие и порой дававшим мудрые советы. Тальберг заразился умиротворением и успокаивался.

– Димитрий, я чувствую, ты... не ф настроений.

– Есть такое дело.

– Проблемы с работа?

– С работой как раз довольно неплохо.

Шмидт переехал в институт три года назад. Будучи у себя на родине знаменитым герпетологом, он посвящал жизнь изучению змей и содержал в пристройке к дому большую коллекцию аспидов, рептилий и амфибий со всего земного круга. Однажды он заметил, что продуцирование ядов у подопытных при переезде менялось. Он не сразу уделил должное внимание открытому эффекту, посчитав, что так аспиды реагируют на смену обстановки.

Шмидт вел чрезвычайно подробные записи, и вскоре стало ясно, что закономерность необычайно устойчива и соблюдается для всех видов, независимо от условий обитания. Исключив влияние среды, он возил змей по тем местам, откуда их брал, и отмечал восстановление ядовыделения к прежнему уровню.

Составив более-менее подробную карту, Шмидт отыскал единственный фактор, влияющий на этот процесс, – расстояние от Края.

От полученного заключения загорелся идеей перенести лабораторию поближе к Краю, насколько возможно. В результате длительных переговоров с Лоскутовским НИИ Карлу выделили несколько помещений в институте. Он заполнил их террариумами различных конструкций и обеспечил тропический климат.

В прессе данный факт преподали в качестве примера международного сотрудничества и символа налаживающихся отношений, а затем про Шмидта забыли – денег он не требовал, расходы оплачивал самостоятельно и фактически организовал на территории института маленькую автономию, куда сотрудники боялись заходить из-за опасения за свою жизнь. Не забывала только внутренняя служба безопасности, видя в нем агента вероятного противника, которого можно перевербовать, но дальнейшее наблюдение показало, что герр Шмидт помешан на аспидках, с ними не расстанется и ни в какую политику лезть категорически не желает. Спит тоже на кушетке подле своих террариумов.

Тальберг к змеям относился с равнодушием – он не боялся, но и не разделял одержимость Шмидта всевозможными ползающими носителями яда. Впрочем, наличие большого количества декорированных разнообразными растениями, камнями и песком террариумов создавало приятный контраст с остальными помещениями института. Саня называл это место змеятником.

– С работой хорошо, – Тальберг глядел в потолок и потел от жаркого влажного воздуха.

– Тогда что плохо?

Тальберг задумался. Правильно сформулированная проблема – половина решения, но иногда даже сформулировать не получается. А бывает, и вовсе не хочется.

– Элизабет? – предположил Карл.

– Да, она самая, – Тальберг сосредоточился на неровностях штукатурки на потолке.

Шмидт тактично замолчал, записывая наблюдения в особо пухлую тетрадь в ожидании продолжения. Но не дождался и решил подхватить разговор сам:

– Хотеть просить, – от волнения у него исчезли оставшиеся грамматические конструкции. – Пыль... Совсем мало...

– Краенитовую пыль? Зачем?

– Опыт нужный со змеи. Отсюда далеко до die Kante, но я хотеть пыль здесь.

– Запросто.

Тальберг полежал на кушетке, раздумывая, поделиться ли с Карлом проблемами или просто походить вдоль террариумов, пока Шмидт будет рассказывать, какой чудесный экземпляр прислали накануне из-за границы. Тальберг естественно ничего не понимал и не запоминал, для него эти существа выглядели в определенной степени одинаково, но ему нравилось восхищение, с которым Шмидт относился к питомцам, словно это были милые котики, а не смертоносные гадины.

– У тебя семья есть? – Тальберг осознал, что ни разу интересовался семейным положением Карла, увлеченный собственными проблемами.

– Есть. Жена и два сына.

– Не скучаешь по ним? Как они без тебя?

– Скучать. Я им письма писать. Раз ф гот домой ездить. Следующий гот хочу навсегда вернуться.

Тальберг признался:

– Я бы так не смог.

Шмидт пожал плечами, словно ничего необычного в этом не находил. Его окружали террариумы со змеями, и он полностью удовлетворялся их компанией.

Тальберг вздохнул и решил-таки поделиться с Карлом свежими измышлениями.

– Хорошо, когда все ясно. Вроде бы жизнь складывается, семья есть, разработки увенчались успехом, а удовлетворения нет. Посмотришь повнимательнее и понимаешь, на деле все не так хорошо, как звучит. Ухлопал на работу пятнадцать лет, а теперь какие-то люди стоят с плакатами, из которых следует, что ты бесчувственная бездуховная скотина, посягнувшая на святое, и должен гореть в огне, но чем дольше думаю, тем меньше уверен в их неправоте. Мне хотелось узнать, что за Краем, а я-то ни на волосок не стал ближе к цели.

Шмидт молча слушал, перестав писать.

– Сижу и думаю, а ведь действительно, чего я там забыл? – продолжал Тальберг. – Найду я пустоту, и все – смысл жизни потеряю. Нельзя же гордиться, что жизнь потратил на поиск пустого места. Но и этого я пока не добился! Вот взялись краенит добывать, а у меня ощущение, что мы ломаем Край, а кто-то чинит и ругается, не поймет, что происходит, а мы настойчиво продолжаем кромсать. Мы просто мелкие вредители.

– Кризис средний возраст, – уверенно заявил Шмидт. – Я иметь такой.

– Наверное. И как с ним бороться?

– Зачем? Он проходить, если не сопротивляться. А если сопротивляться... – Карл развел руками.

– Не знаю, – горестно вздохнул Тальберг. – Ладно бы, стихи мечтал писать, а стал сантехником. Тогда можно было бы сказать, потратил жизнь впустую и упустил возможности, а теперь хочу наверстать упущенное и совершить несбывшееся. Но я ведь занимаюсь именно тем, чем с детства мечтал, а радости нет, словно ты головой в стену стучал, а тебе окошко приоткрыли, чтобы посмотреть, кто там такой упрямый, а преграда как стояла, так и стоит.

– Нужно продолжать. Если долго бить головой, любой забор обязательно упасть.

– А можно сотрясение получить, – возразил Тальберг. – Было бы видно, что стена чуть-чуть, но поддается, тогда бы я знал – процесс идет, хоть и медленно, а так складывается впечатление топтания на месте.

– Стена – такой аналогия или иметь в виду die Kante? – уточнил запутавшийся Шмидт, грызя дужку очков.

Тальберг за три года выучил, что «ди канте» значит Край.

– Неважно, – сказал он. – В моем случае одно и то же.

– При чем тут Элизабет?

Тальберг подумал. Действительно, при чем?

– С ней, как с этой стеной, получается, – наконец нашелся он.

– В нее стучать, а она не открываться? – удивился Карл.

– Ты сейчас описал точнее некуда. Я б не смог лучше, если б захотел.

Шмидт сидел польщенный, но продолжал не понимать и ожидал дальнейших пояснений.

– Я же тебе рассказывал, как мы поженились?

Карл кивнул. В тот день привезли молодых оливковых бумслангов, один из которых сумел улизнуть при пересаживании в террариум. Шмидт искал его по всему помещению, надев специальный костюм с большими сапогами и толстыми перчатками. Тальберг тогда пришел и по обыкновению лег на кушетку, чтобы поведать историей из юности, удивляясь, почему это Карл в полном облачении ползает по полу.

– С тех пор раздумываю, правильно ли я поступил, – признался Тальберг.

– Поздно думать. Тогда рассуждать надо, сейчас надо жить.

– Да знаю я, – скривился Тальберг. – Только не получается. Ссоримся по каким-то пустякам. Не так посмотрел, не то сказал, а сам и говорить-то не хотел, понимал, что ерунду ляпнуть можешь и она расстроится, а все равно не удержался. Зачем говорил? Проблем мало?

Шмидту эти терзания показались незнакомыми и малопонятными.

– Мучает меня вопрос, – продолжал Тальберг. – Вдруг она считает, что я женился на ней из жалости? Или еще хуже, это она вышла за меня от безысходности? А теперь терпит. Ходит, мучается, ненавидит, молчит, а сама думает... – Тальберг не смог представить, о чем может думать Лизка, и в принципе не представлял мыслительный процесс в женской голове. – Что-то явно нехорошее. С таким видом можно думать только о плохом. А по ночам снится, как я ее теряю и она уходит, потому что я неудачник.

– Поговорить с ней не пробовал? – спросил Шмидт почти без акцента.

– Пробовал. Говорит, все в порядке. У нее всегда все в порядке.

– Это же карашо? Да?

– Это еще хуже! Надо видеть лицо, с каким она это произносит!

Шмидт задумался о загадочности женской природы, покрутил в руках дужку очков и глубокомысленно изрек:

– Со змеями гораздо проще.

Тальберг подумал и согласился, что со змеями действительно проще, и они замолчали, обдумывая эту глубокую мысль.

ГЛАВА IV. Урок математики

14.

В расписании наметилось «окно», и Тоцкий решил пересидеть урок в учительской в компании двух мягких кресел. Кресла были старые, с протертой обивкой, но от этого не менее удобные. В углу возвышалась установленная поверх тумбы пальма и создавала иллюзию внезапного потепления. Фотообои с синим небом на всю стену дополняли впечатление.

Тоцкому нравилось смотреть на экзотическое дерево и воображать себя в отпуске далеко отсюда, в краю, где нет зимы и восемнадцать градусов тепла считаются нестерпимым заморозком.

Увы, любимое кресло напротив входа занял Иван Иванович – учитель истории и права. Тоцкий плюхнулся на второе, у двери. Он ненавидел сидеть спиной к входящим, когда кто угодно мог неприметно подкрасться сзади.

Иван Иванович смотрел на пальму, перестукивая пальцами по деревянному подлокотнику.

– Здрасьте, – поздоровался Тоцкий в надежде, что историку не захочется поговорить.

Зря надеялся.

– Осваиваетесь? – спросил Иван Иванович.

– Понемногу.

Тоцкий три года назад окончил институт, но не мог найти вменяемую работу. Остаться на кафедре не вышло. Он хотел, но группа оказалась сильной, и он не выдержал конкуренции – выбрали Антона Коробкина.

Еще до выпуска Тоцкий ходил по объявлениям в поисках вакансий, но звезды не складывались. Обязательно что-то не нравилось – или условия труда, или зарплата. Да и потребность в математиках как-то не впечатляла.

Глядя в его честные глаза выпускника математического факультета института, очередной работодатель первым делом интересовался опытом работы. Тоцкий отвечал известной формулой «откуда взяться опыту, если никто на работу не берет». Замкнутый круг.

В ответ проводящие собеседование обычно пожимали плечами и сообщали, что ищут человека, готового сходу приступить к обязанностям. Сроки горят, минута простоя стоит сумасшедших денег, а тратить время на обучение новичков ни у кого нет ни средств, ни желания.

Тогда он интересовался, откуда возьмутся специалисты, если их не учить. Ему отвечали, что обучением пусть занимаются специализированные учебные заведения.

– Вот он я! – он одной рукой показывал на грудь, а второй размахивал дипломом, понимая, что на этой вакансии ему ничего не светит.

Приходилось регулярно подрабатывать по мелочам, например, таскать кирпичи на стройке. Такая работа носила сезонный характер и не обеспечивала нормального существования в том виде, в каком его представлял Тоцкий. Чтобы отпуск выглядел отдыхом, с теплом, зелеными пальмами и синим небом, а не на грядках у тети Светы в беспомощных попытках отвоевать картошку у сорняков и жуков. Ему с трудом хватало на минимальное удовлетворение потребностей. Голодать не приходилось, но перезанимать, чтобы переотдать, случалось на регулярной основе.

Ему предложили поработать учителем математики в средней школе. В его представлении это было последним местом, где бы он хотел оказаться. Как назло, наступило затишье, и с подработкой случился полный швах.

От безысходности Тоцкий согласился на должность школьного учителя. Пройденный в институте курс педагогики и психологии посчитали достаточным для работы со старшеклассниками.

Впоследствии другие преподаватели поведали, что до него на этом месте никто долго не задерживался, а сам кабинет проклят ныне покойным Степаном Анатольевичем при выходе на пенсию. Постоянная необходимость искать очередного «математика» вызвала у директора хроническую боль в области поясницы. Одна учительница ушла в декретный отпуск. Второй рассчитался и переехал в деревню, чтобы пасти коз и продавать молоко. Третий сломал ногу и, пока ее лечил, решил стать писателем.

Тоцкий утешался временностью работы. Он не собирался задерживаться в школе дольше одного учебного года, и мысленно представлял, как подает заявление на расчет, а директор, беря листок дрожащими пальцами, теряет сознание, окончательно уверяясь в существовании проклятия.

На первых занятиях он боролся со смущением. Непривычное ощущение, когда три десятка детей смотрят, как ты машешь руками перед доской, пытаешься объяснить никому не нужную теорему Виета, о которой забывают ровно в ту секунду, как узнают.

От природы Тоцкий считал себя человеком стеснительным. Мысль о публичных выступлениях вызвала в нем легкое недомогание – комок подступал к горлу, сердце падало в пятки, а язык непослушно заплетался. Дети – тоже публика, и на первых порах ему казалось, сейчас кто-то встанет, ткнет в него пальцем и скажет: «Учитель-то ненастоящий».

– Привыкайте, – Иван Иванович не переставал раздражающе стучать по подлокотникам. – Работа с детьми требует самоотдачи. Я бы сказал, самопожертвования.

Тоцкий промолчал о своих соображениях по поводу самопожертвования, самоотдачи и педагогики в целом.

– Вы совсем юны, и не в полной мере представляете суть профессии. Сколько знаний можно передать, если по-настоящему любить свое дело...

Иван Иванович многозначительно умолк. Тоцкий закрыл глаза в попытке расслабиться. Сидя у самой двери, он без труда различал в наступившей тишине голос из коридора, возмущавший о принципах мироустройства.

По соседству с учительской располагался класс географии, где Нина Егоровна рассказывала про горы и моря. Ее громогласный голос прятался низкорослым теле, и любой школьник мог посмотреть на нее свысока в буквальном смысле. С моральной точки зрения Нина Егоровна смело могла задавить харизмой любого десятиклассника – ее уважали и побаивались за суровый, но справедливый нрав.

Дверь в кабинет географии во время занятий не закрывалась. По мнению Нины Егоровны, это способствовало притоку свежего воздуха в класс – ей казалось, что в помещении жарко и душно, хотя половина школьников сидела в куртках и дрожала. Через открытую дверь в коридор проникала лекция для пятиклассников. Проходили тему «Солнце»:

– Это главное небесное тело, сложный шарообразный объект, в котором происходят многостадийные процессы. В настоящее время ученые предполагают, что сложные периодические химические реакции, о которых вы узнаете в старших классах, приводят к тому, что солнце загорается и гаснет через фиксированные временные промежутки.

– День и ночь, – крикнул кто-то из детей. – Сутки!

– Правильно, Алексей, но не обязательно об этом кричать, – пожурела Нина Егоровна. – Кроме смены дня и ночи, солнце участвует в круговом движении вдоль Края. В результате чего мы получаем... что, Алексей?

– Год?

– Да. Мы получаем год со сменой сезонов. Когда солнце находится у той части Края, где живем мы, у нас наступает лето. А у противоположной стороны мирового круга?

– Зима! – прокричали хором несколько голосов.

– Правильно, а в промежуточных положениях – соответственно весна и осень.

– Нина Егоровна, можно вопрос?

– Да, Сытина.

– Почему солнце движется? Кто его двигает?

– Хм... – Нина Егоровна сделала паузу, соображая, как ответить, чтобы пятиклассники поняли. – Представьте, что есть емкость в форме цилиндра. Дно этой банки – наш мировой круг, на поверхности которого мы живем. Стенки – это Край. Теперь, возьмем шарик, бросим внутрь и начнем совершать вращательные движения. Шарик, который у нас вместо солнца, станет вращаться по спирали. Если мы хорошо раскрутим и оставим банку в покое, наш шар будет кататься по стенкам, постепенно опускаясь.

– Значит, солнце когда-то рухнет на землю?

– Да, Сытина.

– Какой ужас!

– Не переживайте, в обморок падать не надо! Солнце снижается очень медленно и упадет на земной круг через три миллиарда лет. Свойства Края позволяют поддерживать скорость солнца, полностью возвращая ему его же тепловую энергию.

– Нина Егоровна!

– Ира, подробности тебе расскажут в седьмом классе в курсе физики. Сейчас вам и этого хватит.

Тоцкий в институте дружил с физиком Кириллом, который на студенческой попойке выпил с десятков рюмок коньяка, перешел в состояние «надо срочно поговорить за жизнь» и начал жаловаться:

– Фигня, эта наша физика. Никто ничего не знает. Умные, думают, докопались до истины... Олухи! – Кирилл выпил еще рюмку. – Пытаюсь посчитать скорость солнца, с которой ему надо двигаться, чтобы не рухнуть. Как ни считаю, получается, что за час несколько годовых оборотов должно происходить. Ерунда какая-то. Профессору нашему на кафедре показывал, тому, с бородкой такой седой... Он говорит, не лезь туда, в чем не разбираешься. А ты объясни, если грамотный! Объясни! Бороду отрастил, так поделись мудростью! Они говорят, дескать, это из-за притяжения Края, но никто опытным путем не зафиксировал, чтобы Край что-то притягивал.

И пил коньяк снова, и снова, и снова. Впоследствии он забросил физику и ушел на завод сварщиком. Сказал, наука – это не его, он для нее слишком умный, поэтому может с горя спиться, это расстроит маму, а он не хочет расстраивать маму, потому что с мамой все понятно, а с физикой непонятно совсем ничего. Еще он поклялся никогда не отращивать бороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.